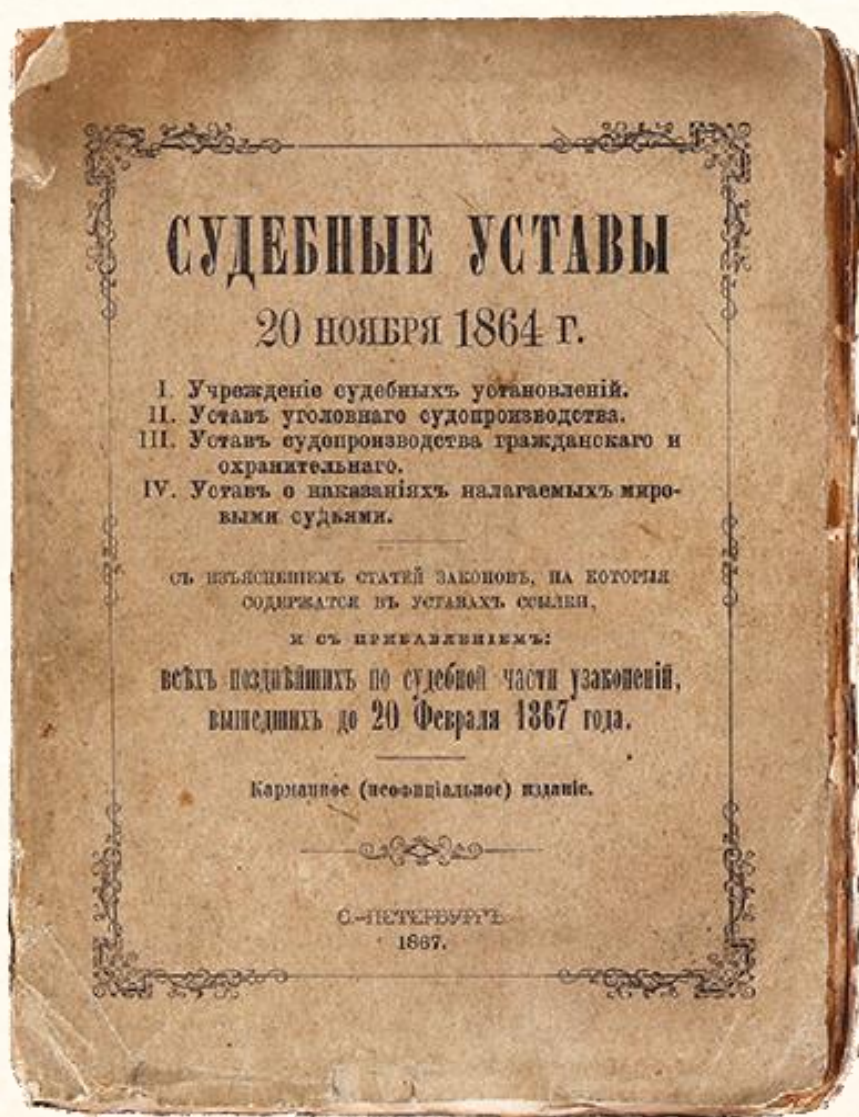

Присяжная адвокатура 1866–1917

Начавшаяся в Российской Империи в 1861 году реформа государственного аппарата повлекла за собой кардинальное изменение судебной системы, обусловившее принятие новых уставов судоустройства, а также появление ранее неведомых стране институтов, включая суд присяжных и адвокатуру. 20 ноября 1864 года был принят такой важный законодательный акт, как «Учреждение судебных установлений», где целая глава была посвящена присяжным поверенным.

Присяжная адвокатура

1866–1917

О них в статьях 353 и 354 говорилось, что присяжные поверенные состоят при судебных местах для занятия делами по избранию и поручению тяжущихся, обвиняемых и других лиц, в деле участвующих, а также по назначению в определенных случаях советов присяжных поверенных и председателей судебных мест. При этом *«присяжными поверенными могут быть лица, имеющие аттестаты университетов или других высших учебных заведений об окончании курса юридических наук или о выдержании экзамена в сих науках, если они сверх того прослужили не менее пяти лет по судебному ведомству в таких должностях, при исправлении которых могли приобрести практические сведения в производстве судебных дел, или также не менее пяти лет состояли кандидатами на должности по судебному ведомству (ст. 407), или же занимались судебною практикою под руководством присяжных поверенных в качестве их помощников»*.

Формирование нового юридического сословия было поручено министерству юстиции, которое инициировало создание специальных комитетов, куда должны были поступать заявления желающих стать адвокатами. 18 апреля 1866 года московский комитет представил министру юстиции Замятнину Д.Н. на утверждение имена 27 таких претендентов, а тот передал рассмотрение прошений Московскому окружному суду. Суд в полном составе в бурных дебатах занимался изучением поданных заявлений весь день 6 мая 1866 год. По воспоминаниям очевидцев, активное обсуждение затянулось до полуночи.

В результате тщательного отбора были допущены к присяге первые двадцать кандидатов, включенных в список присяжных поверенных округа Московской судебной палаты. Напутствуя их, председатель департамента Московской судебной палаты Шахов А.Н. произнес такую речь: *«Господа! Палате известно, что окружный суд при обсуждении прав лиц, изъявивших желание поступить в число присяжных поверенных, был строг, — разумеется, справедливо строг. Он не только рассматривал ваши письменные документы, но принимал в соображение и сведения, указывающие на личные ваши качества и образ прежних ваших действий. Иначе и быть не могло, потому что одно формальное удовлетворение тем условиям, которые требуются законом для поступления в присяжные поверенные, еще не служит ручательством, что избранный в поверенные будет правдиво и честно охранять интересы своих доверителей. Будучи включены окружным судом в это сословие, вы, господа, значит, удовлетворили всем условиям, значит, вы оказались во всех отношениях вполне достойными состоять в нем. Приступайте же к исполнению ожидающих вас нелегких обязанностей и*

Присяжная адвокатура 1866–1917

продолжайте их с честью, и вы заслужите уважение от правительства и от общества, а это есть лучшая награда всякому честному труду».

Здание Московского окружного суда, где 6 мая 1866 года был сформирован первый состав присяжных поверенных этого округа.

История сохранила для нас имена первых московских адвокатов, которые рискнули испытать счастья на новом для себя поприще:

1. Доброхотов Михаил Иванович, коллежский ассессор
2. Костарев Григорий Георгиевич, титулярный советник
3. Рихтер Карл Августович, коллежский ассессор
4. Алексеев Михаил Никитич, коллежский ассессор
5. Любимцев Яков Иванович, титулярный советник
6. Тольх Адольф Иванович, титулярный советник

Присяжная адвокатура

1866–1917

7. Федоров Владимир Тимофеевич, надворный советник
8. Энгельгардт Михаил Ильич, коллежский ассессор
9. Архипов Николай Павлович, кандидат прав
10. Аристов Николаи Васильевич, титулярный советник
11. Аристов Михаил Васильевич, коллежский ассессор
12. Бениславский Бронислав Урбанович, коллежский советник
13. Лютер Александр Дмитриевич, коллежский ассессор
14. Степура-Сердюков Петр Григорьевич, коллежский ассессор
15. Панин Василий Алексеевич, титулярный советник
16. Имберх Алексей Алексеевич, статский советник
17. Муромцев Владимир Николаевич, титулярный советник
18. Белинг Евстафий Генрихович, коллежский секретарь
19. Фальковский Адам Михайлович, коллежский ассессор
20. Петров Александр Павлович, коллежский советник

Как видим, люди, решившие освоить неизвестную доселе в России профессию адвоката, уже имели за спиной определенный жизненный и профессиональный опыт, о чем свидетельствуют имевшиеся у них чины, в большинстве своем по действовавшей в то время табели о рангах, соответствовавшие воинским званиям старших офицеров. Статский советник приравнивался к генералу, коллежский советник – к полковнику, надворный советник к подполковнику, а коллежский ассессор – к майору.

Разными путями приходили они в адвокатскую профессию. К примеру, Бениславский Б.У. окончил в 1851 году Императорское Училище правоведения. Был определен на службу в Департамент Правительствующего Сената, где и служил до выхода в отставку в 1863 году. В 1861 году за заслуги награжден высоким орденом Святого Станислава 2 степени с Императорской короной.

В том же училище обучался и закончил его в 1847 году Имберх А.А. Он затем работал аудитором, как тогда назывались юристы, состоявшие при военных судах.

Тольх А.И. родился в семье портного, был крещен в православие в 1851 году, получил юридическое образование и трудился, по некоторым данным, в министерстве иностранных дел. После вступления в адвокатуру имел очень хорошую практику, работая по гражданским делам в интересах граждан других стран, у которых возникали юридические проблемы внутри России. Неплохие адвокатские заработки позволили Тольху приобрести в центре Москвы

Присяжная адвокатура

1866–1917

трехэтажный доходный дом, расположенный на углу Старомонетного переулка и Большой Полянки.

Энгельгард М.И. был помещиком средней руки, в 1845 году состоял секретарем при губернском предводителе Смоленского дворянства. Здесь следует пояснить, что поскольку Московский судебный округ в то время включал в себя не только Московскую губернию, но и довольно большие прилегающие территории, в число присяжных поверенных Московского округа могли входить не только москвичи, но также адвокаты, проживавшие на прилегающих территориях в Твери, Рязани, Ярославле, Костроме, Рыбинске, Владимире и целом ряде других городов.

Возвращаясь к списку первых присяжных поверенных, нельзя не упомянуть уникальную в своем роде личность Адама Фальковского – выпускника физико-математического отделения философского факультета Московского университета, одного из первых членов образованного в 1863 году Московского юридического общества. Он поступил на службу в канцелярию Московского генерал-губернатора, а в 1858 году стал заседателем 2-го Департамента Московского надворного суда. Погрузившись в этой связи весьма глубоко в правовую тематику, Фальковский решил попробовать себя в адвокатской деятельности, сочетая её с преподаванием. В 1871—1875 годах он читал лекции на кафедре судоустройства и гражданского судопроизводства Московского университета в качестве приват-доцента, а позже возглавил эту кафедру.

Вот как отзывался о Фальковском А.М. хорошо знавший его присяжный поверенный Джаншиев Г.А. в книге «Эпоха великих реформ» (1905), поясняя причины, приведшие Адама Михайловича в адвокатуру: практическая деятельность в старых московских судебных установлениях еще более сблизила Фальковского с юридино-политическими вопросами. Один из немногих честных и образованных судей того времени, он умел как бы предвосхитить будущий тип нового судебного деятеля, не ограничивающегося при исполнении своих обязанностей буквоедством и механическим усвоением на память статей действующего законодательства, но стремящегося к разумному изъяснению внутреннего смысла его, а также цели его отдельных институтов, согласно научным указаниям, данным истории и теории права.

Характеризуя последующую адвокатскую деятельность своего коллеги, Джаншиев писал: *«Не обладая качествами, которые создают громкую или крикливую ораторскую известность, Фальковский, чуждый всегда и всяких*

Присяжная адвокатура

1866–1917

стяжательных маневров, никогда не располагал обширную практикою, хотя он был из числа первых немногочисленных присяжных поверенных, приписавшихся к московским судебным установлениям. Верный правилам адвокатской этики, не прерывая никогда связи с юридическими науками, А.М. всегда был желателен и приятен для товарищей как благодушный и честный противник, для суда — как добросовестный искатель истины, надежный пособник судей».

Вступив в адвокатское сообщество, первые московские присяжные поверенные не стали сидеть сложа руки, а сразу деятельно приступили к работе. К примеру, архивы российского министерства иностранных дел хранят записи, что в 1866 году г-н Тольх оформлял для себя переводы с немецкого, французского и английского на русский язык доверенностей, в том числе - «по отношению Московской палаты гражданского суда» трех доверенностей господ Буше, Миллер и Дени, «двух доверенностей господ Ломо и Гоше на имя г-на Тольха».

Уже 19 мая 1866 года выступал в суде Доброхотов М.И. (1826–1869) по делу о возврате долга. Кстати, Доброхотов, о котором подробнее будет рассказано далее, был избран коллегами 16 сентября 1866 года главой Московского Совета присяжных поверенных и первое заседание Совета провел 23 сентября 1866 года.

Отметим далее, что число присяжных поверенных с каждым годом увеличивалось, и к 1914 году достигло числа 1.305 адвокатов и 1.536 их помощников. При этом в московскую адвокатуру в начальный период её активного формирования с 1869 по 1874 годы вступили юристы, которые вскоре стали украшением всей российской корпорации: Ф.Н. Плевако, А.И. Урусов, В.В. Сергиевский, М.Ф. Громницкий, В.М. Пржевальский, В.И. Танеев.

Московские адвокаты прославились в те годы как высочайшие профессионалы своего дела, и не только на юридическом поприще. Они активно участвовали в жизни российского общества, выступали в прессе, принимали участие в работе местных органов самоуправления и созданной в начале прошлого века Государственной Думы. Приходилось им включаться и в политические судебные процессы, а также защищать своих товарищей по сословию, которых нередко преследовала власть за принципиальность и отстаивание прав и интересов их доверителей из самых разных слоев общества.

Присяжная адвокатура

1866–1917

Они действительно многому разучивались
и учились!

Тадисовым славят энтузиастам Советам своим
открытым духом и добротой

Роскошью Советов и всего Присяжной Н.А.А.
Повторяется из знаменитых писателей 1866
открыт публиковать в Московском Присяжном 210.10.17

На предварительном заседании Присяжной
представили Присяжные Повторяющиеся
вместе по неопределенным причинам

Присяжные Присяжные Присяжные Присяжные
Присяжные Присяжные Присяжные Присяжные
Присяжные Присяжные Присяжные Присяжные

Председатель Присяжной
Модератор Присяжной Присяжной
Присяжной Присяжной Присяжной
Присяжной Присяжной Присяжной

Журнал первого заседания Московского Совета
присяжных поверенных.

О том уважении, которое заслужили московские адвокаты своей деятельностью, говорили многие, выступавшие 23 сентября 1916 года на торжественном собрании по поводу 50-летия сословия присяжных поверенных Округа Московской Судебной Палаты. Ниже приводится лишь небольшая часть того, что было сказано выступавшими.

Присяжная адвокатура

1866—1917

ПРОТОКОЛЬ ТОРЖЕСТВЕННОГО ЗАСЪДАНІЯ

по поводу пятидесятилѣтія сословія присяжныхъ повѣренныхъ Округа Московской Судебной Палаты.

23 сентября 1916 года.

23 сентября 1916 года Московскимъ Совѣтомъ присяжныхъ повѣренныхъ было созвано торжественное собраніе присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ Московскаго Судебнаго Округа, съ участіемъ приглашенныхъ лицъ—представителей судебныхъ, общественныхъ и научныхъ учрежденій г. Москвы и сословія присяжныхъ повѣренныхъ другихъ округовъ, по поводу исполнившагося въ сентябрѣ сего 1916 года пятидесятилѣтія сословія присяжныхъ повѣренныхъ Московскаго Судебнаго Округа (17 сентября 1866 года состоялось первое общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ округа и 23 сентября 1866 г.—первое засѣданіе Московскаго Совѣта присяжныхъ повѣренныхъ).

Въ 2 часа дня, 23 сего сентября, въ залѣ засѣданій Судебной Палаты, состоялось торжественное молебствіе, а затѣмъ всѣ собравшіеся перешли въ Екатерининскую залу. Въ 3 часа дня Предсѣдатель Совѣта Д. Н. Доброхотовъ, занявъ предсѣдательское мѣсто, открылъ собраніе.

Московский городской голова Челноков М.В.: *«В жизни Москвы присяжный поверенный стал большой, заметной, незаменимой величиной».*

Прокурор Судебной Палаты Чебышев Н.Н.: *«В памяти проносится целый ряд славных имен московских адвокатов, больших русских людей, рассыпавших в этой зале сокровища мысли и художественных воплощений, и мы твердо верим, что на каждый спрос, когда потребуют обстоятельства, в избытке явятся нужные стране таланты...».*

Председатель Окружного суда Иванов Д.Д.: *«Присяжная адвокатура посвящает свою деятельность благородному делу защиты нарушенных и угрожаемых прав и московская адвокатура на этом прекрасном поприще за 50 лет*

Присяжная адвокатура

1866–1917

своего служения положила громадные силы успешно выдвигая из своей среды ряд, если можно так выразиться, гигантов – адвокатов и привыкла проявлять то свое драгоценное свойство, которое заключается в особой даровитости и талантливости, усвоила себе как бы традицию таланта. И в настоящее время, как и всегда, проявляет себя в области глубокого анализа, юридического и логического, так и в пленительной области художественной речи самой высокой красоты».

Кони А.Ф.: «С Московской адвокатурой и ее Советом меня связывают живые воспоминания о первых годах их общей с магистратурой и прокуратурой работой для практического осуществления начал, вложенных в Судебные уставы. С благодарной памятью о «медовом месяце» нового суда для меня связано яркое представление о М.И. Доброхотове, князе Урусове, Плевако, Рихтере, Соловьеве и многих других, чей труд и способности вливались в дело всесторонней службы правосудию. Следя по старой памяти за отчетами Московского Совета Присяжных поверенных, я мог не раз убедиться как чутко и вдумчиво относился он в течение пятидесяти лет к вопросам, касающимся чести и достоинства сословия, и к своей обязанности давать руководящие указания на этическую сторону приемов и задач правильно понимаемой адвокатуры».

Далее мы расскажем о наиболее ярких представителях московской присяжной адвокатуры, которые были первыми на этом поприще, и завоевали заслуженную славу своими победами в судах, высоким профессионализмом, эрудицией, самоотдачей, искренностью и честностью.

Присяжная адвокатура 1866–1917

Михаил Иванович Доброхотов родился 4 ноября 1826 года в городе Вязники Владимирской губернии в семье чиновника.

По окончании в 1835 году Суздальского училища был награжден похвальным листом за успехи, прилежание и добрую нравственность. Он закончил Владимирскую губернскую гимназию и юридический факультет Московского университета. В феврале 1849 года поступил на службу в Московскую уголовную палату, где за восемь лет прошел путь от помощника столоначальника до ответственного поста секретаря суда. Жил с семьей в Москве в доме на Остоженке. Активно сотрудничал с Московским юридическим обществом. Решив сменить работу, подал заявление в министерство юстиции, где ему было поручено выполнять функции секретаря комитета по подбору кандидатов в присяжные поверенные.

Когда на общем собрании присяжных поверенных округа в том же 1866 году 16 сентября первыми московскими адвокатами был избран орган самоуправления – Московский совет присяжных поверенных, состоявший из пяти человек, его члены председателем выбрали Михаила Ивановича Доброхотова. Как уже отмечалось выше, первое заседание Московского Совета присяжных поверенных под председательством Доброхотова состоялось 23 сентября 1866 года.

В последующем Михаилу Ивановичу приходилось заниматься организацией заседаний Совета и проведением общих собраний, рассматривать вместе с коллегами вопросы принятия новых членов в сословие, принимать жалобы и реагировать на них, выделять адвокатов на дела «по праву бедности», контролировать получение и расходование взносов от московских присяжных поверенных.

Присяжная адвокатура

1866–1917

Занимался Доброхотов и подготовкой молодых адвокатов. Так, из числа его помощников вышел в свет Куперник Л.А., снискавший в последующем славу талантливого оратора на судебных процессах в Москве и Киеве.

Общественная нагрузка не мешала Доброхотову М.И. заниматься адвокатской практикой. В новом для себя качестве он выступал в суде уже 19 мая 1866 года, успешно представляя интересы гражданки Франции Лизаветы Бош, требовавшей возврата долга у аптекаря Астафия Гринтеля.

В следующем году ему пришлось противостоять очень сильному оратору – обвинителю Громницкому М.Ф., который через некоторое время также вошел в ряды присяжной адвокатуры. Речь идет о деле студента Данилова А.М., убившего в 1867 году отставного капитана Попова и его служанку. Процесс проходил 14 — 15 февраля 1867 года в Московском окружном суде с участием присяжных заседателей.

Оказывая правовую помощь нуждающимся, Доброхотов М.И. нередко не брал гонораров, считая, что некоторые дела этого просто не стоят. В нем отмечали светлый ум, склонность к добродушному и веселому юмору, переходящему иногда в едкую, язвительную, полновесную насмешку. По наблюдениям знавших Михаила Ивановича людей, «Своим спокойствием и простотой он производил более впечатление на судей и присяжных, чем иные с помощью бойкой речи и адвокатских фокусов». Про него порой говорили: «Кажется, нет в Москве человека, который бы его не любил».

Всего три года было отведено судьбой Михаилу Ивановичу, чтобы начать создавать здание будущей московской адвокатуры. Но он многое успел, и его соратники самыми добрыми словами вспоминали Доброхотова. Знаменитый Плевако Ф.Н. отмечал: «В качестве председателя Совета Михаил Иванович всегда старался и умел проводить в молодое сословие начала высокоэтического и щепетильного отношения адвоката к своим профессиональным обязанностям».

СПИСОКЪ

присяжных повѣренныхъ Округа Московской Судебной Палаты.

№ по порядку въ спискѣ	Фамилія, имя, отчество и званіе или чинъ.	Время принятія въ присяжные повѣренные.	Избранный повѣреннымъ городъ для жительства.
		1866 г.	
1	Доброхотовъ*, Михаилъ Ивановичъ, коллежскій ассессоръ.	6 мая.	Москва.
2	Костаревъ*, Григорій Георгіевичъ, титулярный совѣтникъ.	6 "	"
3	Рихтеръ*, Карлъ Августовичъ, коллежскій ассессоръ.	6 "	"
4	Алексѣевъ*, Михаилъ Никитичъ, коллежскій ассессоръ.	6 "	"
5	Любимцевъ*, Яковъ Ивановичъ, титулярный совѣтникъ.	6 "	"
6	Толхъ, Адольфъ Ивановичъ, титулярный совѣтникъ.	6 "	"
7	Федоровъ*, Владиміръ Тимофеевичъ, надворный совѣтникъ.	6 "	"
8	Энгельгардтъ*, Михаилъ Ильичъ, коллежскій ассессоръ.	6 "	"
9	Архиповъ, Николай Павловичъ, кандидатъ правъ.	6 "	"
10	Аристовъ, Николай Васильевичъ, титулярный со-	6 "	"

Присяжная адвокатура

1866–1917

Другие адвокаты, называя Доброхотова «первым строителем московской адвокатской округи», тепло отзывались о нём как о бесребренике-идеалисте...

Четвертый отчет Совета присяжных поверенных, составленный за период 29 сентября 1869 года по 29 сентября 1870 года, был начат с *«прискорбного воспоминания о кончине своего председателя Михаила Ивановича Доброхотова»*. Здесь же было сказано, что *«при первом известии об этом печальном событии, последовавшем 21-го ноября 1869 года, Совет в заседании 22-го ноября постановил: почтить память покойного присутствием на его погребении Совета присяжных поверенных в полном составе, с приглашением к тому и других господ присяжных поверенных»*.

Друзья и коллеги покойного, собравшиеся отдать ему последний долг, договорились об установке над могилой Михаила Ивановича памятника, а также об учреждении в Московском университете стипендии его имени. История донесла до нас сведения, что в сборе денег приняли участие не только присяжные поверенные и их помощники, но также сенатор Поленов М.В., член Московской судебной палаты Извольский П.Г., председатель Нижегородского окружного суда Панов А.К.

Похоронен Доброхотов М.И. был на Дорогомиловском кладбище при большом стечении народа.

Когда в сентябре 1916 года в Москве торжественно отмечался 50-летний юбилей московской присяжной адвокатуры, выступавшие не единожды самыми добрыми словами вспоминали первого главу Совета Доброхотова М.И., видя в нём символ и знамя молодого адвокатского сообщества. Московский городской голова Челноков М.В. начал свою речь такими словами: *«50 лет тому назад в лице М.И. Доброхотова, самая фамилия которого так соответствует светлой памяти о его прекрасной личности и его первых товарищей по сословию, первый московский адвокат стал в уголовном процессе рядом с подсудимым как верный слуга правосудия, как страж, как стойкий и талантливый борец за справедливость и достоинство человека»*.

Присяжная адвокатура

1866–1917

Лохвицкий

Александр

Владимирович родился в 1830 году в Москве в семье купца.

После окончания гимназии поступил на юридический факультет Московского университета. Одновременно с Лохвицким в университете учился будущий историк и академик К.Н. Бестужев-Рюмин, который впоследствии охарактеризовал его так: «Лохвицкий был человек самолюбивый, чрезвычайно остроумный и находчивый». Но при этом за свое самолюбие и некоторую юношескую дерзость он едва не был исключен из учебного заведения.

Университет закончил в 1851 году, затем подготовил и там же в 1855 году защитил диссертацию на соискание степени магистра на тему «О пленных по древнему русскому праву в XV—XVII вв.».

В 1856 году прослушал курс права в Германии, в Гейдельбергском университете. Затем посещал ознакомительные лекции в других высших учебных заведениях Германии и Франции. За работу «Губерния, её земские и правительственные учреждения», изданную в Санкт-Петербурге в 1864 году, был удостоен степени доктора права.

Преподавал правовые дисциплины в учебных заведениях Петербурга - Императорском Александровском лицее и Военно-юридической академии. В министерстве внутренних дел состоял «совещательным членом», давая консультации по возникавшим юридическим вопросам. С 1866 года издавал газету «Судебный вестник».

Оставил государственную службу в 1869 году в чине действительного статского советника.

Является автором многих научных трудов в самых различных областях права, среди которых: «Дуэль и кассационный суд» (1858), «Обзор современных конституций» (1862), «Курс русского уголовного права» в пяти частях (1868 - 1871), «Собрание важнейших памятников по истории древнего русского права»

Лохвицкий А.В.

Присяжная адвокатура

1866–1917

(1858). Отдельные публикации были посвящены французской адвокатуре, статусу судебного следователя, созданию общества русских юристов.

На состоявшемся в 1875 году в Москве Первом съезде русских юристов, собравшем судей, сенаторов, прокуроров, присяжных поверенных и преподавателей, Лохвицкий в качестве доктора государственного права сделал доклад на тему «О предоставлении наследнику права получать наследство по описи и оценке и об ответственности за его долги наследодателя только в пределах стоимости полученного наследства», вызвавший большой интерес и обсуждение присутствовавших цивилистов. Интересно, что вспоминая обсуждавшиеся на съезде актуальные вопросы российской юридической жизни того времени, В.Д. Спасович отметил Александра Владимировича как «одного из способных собратьев наших», указав при этом с явным огорчением, что тот «один одишешенек хлопотал о конституции, о парламентаризме, но без малейшего со стороны съезда отголоска».

С 1869 года Лохвицкий А.В. - присяжный поверенный сначала в Санкт-Петербурге, потом в Москве. Выступал на судебных процессах со своими знаменитыми коллегами – Плевако Ф.Н., Громницким М.Ф., Пржевальский В.М., ничем не уступая им в профессиональном мастерстве, а порой и превосходя. Один из наблюдателей заметил, что из ораторов того времени наиболее близок ему Жуковский В.И., «но юмор у него добродушнее, а по богатству знаний с Лохвицким трудно сравниться».

Занимался делами из категорий наследственного и авторского права. В частности, в Московском окружном суде в 1872 году безуспешно боролся за наследство Е.Ф. Муравьевой – матери известных декабристов Никиты и Александра Муравьевых.

Практиковал и по уголовным делам. Защищал дворян Залевского и Гроховского, обвиняемых в даче под присягой ложных показаний, титулярного советника Бильбасова, обвинявшегося в мошенничестве. Представлял интересы гражданских истцов в знаменитом деле игуменьи Митрофании, участвовал в нашумевшем групповом деле «червоных

*Курс уголовного права,
автор Лохвицкий А.В*

Присяжная адвокатура

1866–1917

валетов», защищал нотариуса Лысенкова, кому инкриминировалась подделка завещания.

В вышедший в 1899 году сборник «Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах» были включены два выступления Лохвицкого А.В. – по делу корнета Мгеброва (убийство на дуэли) и по уже упоминавшемуся делу Бильбасова. В самой этой книге так говорилось о Лохвицком: *«Его речи во всех веденных им делах, в большинстве случаев очень сложных, запутанных, отличаются находчивостью, тактом, чувством меры, глубоким и искренним убеждением. Этот своеобразный и сильный оратор, мало заботившийся о внешней форме и чистоте произношения, однако умел вести почти всегда к намеченной им цели. Речи его по эрудиции, логике и анализ доказательств служат образцом ораторского искусства...»*.

О том, какое впечатление оказывали на слушателей выступления Александра Владимировича, можно судить и по другим воспоминаниям современников, в том числе коллег – юристов. Остроту его языка, настойчивость, убедительность упоминали судебный деятель А.Ф. Кони, присяжный поверенный В.Д. Спасович, товарищ прокурора А.А. Левенстим. Последний писал: *«...Умный защитник умел очаровывать слушателей новизной своих мыслей и поддерживать внимание аудитории, пересыпая свою речь живыми примерами, историческими фактами и сравнениями, полными юда и сарказма»*.

Когда приват-доцент по кафедре уголовного права Санкт-Петербургского университета Тимофеев А.Г. в 1890 году издал весьма обстоятельный труд под названием «Судебное красноречие в России: критические очерки», он включил туда, наряду с анализом судебных речей А.Ф. Кони, М.Ф. Громницкого, В.И. Жуковского, Н.В. Муравьева, В.Д. Спасовича, П.А. Александрова, С.А. Андреевского, К.К. Арсеньева, Н.П. Карабчевского, П.Г. Миронова, А.Я. Пассовера, Ф.Н. Плевако, А.И. Урусова, К.Ф. Хартулари, также и содержательные характеристики выступлений Лохвицкого А.В. с указанием в каких именно процессах они имели место и чем запомнились.

Ораторская слава Лохвицкого стала столь велика, что его имя, по сути, стало нарицательным. Даже А.П. Чехов однажды упомянул его в соответствующем ключе: «Прочность и постоянство законов природы заключаются в том, что их не может обойти ни один адвокат (кроме Лохвицкого, конечно)».

Авторству Лохвицкого приписана и известная среди юристов байка, когда некий клиент, спасенный адвокатом от уголовного наказания, восторгался и

Лохвицкий А.В.

Присяжная адвокатура

1866–1917

вопрошал: «...Не знаю, какому богу за вас молиться... Как – и в толк не возьму – благодарить вас!». На что услышал ответ: «С тех пор как финикиане изобрели денежные знаки, об этом не может быть никакого вопроса!».

Говоря о явно незаурядной личности Лохвицкого А.В., нельзя не отметить, что он вошел в историю адвокатуры ещё и тем, что на своём примере разрешил давнюю проблему юридического сообщества – о возможности ведения так называемых «неправых» дел.

События развивались следующим образом.

К уголовной ответственности привлекался бывший помощник присяжного поверенного Николай Элькин, наставником которого был присяжный поверенный П.А. Ордынский.

Суть дела состояла в том, что Элькин имел близкие отношения с пожилой вдовой титулярного советника А. Поповой, обещал жениться, и получил от неё крупную сумму денег и дом по безденежной купчей. Узнав об этом, его бывший патрон Ордынский принял на себя представительство интересов «дамы сердца» своего подшефного, и затем добился возбуждения уголовного дела о мошенничестве против Элькина, представляя потерпевшую в суде. Защиту подсудимого принял на себя присяжный поверенный А.В. Лохвицкий.

Судом первой инстанции Элькин был осуждён, но в конечном итоге кассационной инстанцией полностью оправдан. Сенат согласился с позицией защитника А.В. Лохвицкого, доказывавшего, что Элькин поступил действительно бесчестно, но его проступок не предусмотрен уголовным законом и поэтому он не подлежит никакому наказанию.

После вынесения оправдательного приговора, присяжный поверенный П.А. Ордынский подал в интересах своей доверительницы Поповой гражданские иски о признании сделок дарения денег и передачи дома недействительными. Однако по обоим гражданским делам по искам к Элькину, интересы которого отстаивал Лохвицкий, было отказано.

В ответ Элькин направил в Совет присяжных поверенных Московского судебного округа заявление в отношении присяжного поверенного Ордынского по обвинению в неказании ему помощи как своему помощнику, а также в представительстве его процессуального противника в уголовном и гражданском судопроизводствах. Рассмотрев обращение, Совет отметил, что судебные установления не предусматривают тесной связи присяжного поверенного с его

Присяжная адвокатура

1866–1917

помощниками, а только подразумевают наставничество в стремлении к правилам и чистоте адвокатской профессии. Но в целом за поведение в деле вдовы Поповой и выступление против своего помощника назначил наказание в виде предупреждения.

В свою очередь, присяжный поверенный Ордынский направил на имя министра юстиции прошение с описанием деятельности Лохвицкого по указанному делу и просьбой об исключении того из числа присяжных поверенных за принятие им к своему производству дела Элькина как явно «неправедного» с этической точки зрения. Основанное на прошении Ордынского представление министра юстиции было отправлено в Совет присяжных поверенных Московского судебного округа, который счел, что принятие Лохвицким и ведение гражданских дел Элькина было связано с «безнравственностью источников прав сего последнего, и собственно в этом палата усматривает со стороны присяжного поверенного Лохвицкого нарушение им обязанностей звания». Совет решил запретить присяжному поверенному А.В. Лохвицкому исполнение функций присяжного поверенного сроком на три месяца за принятие им к своему производству дела, с очевидностью нарушающего нравственные устои общества и влекущего недоверие к моральному облику сословия присяжных поверенных.

Интересно, что на такое решение Совета присяжных поверенных Московского судебного округа подали жалобы как сам А.В. Лохвицкий, так и надзирающий прокурор. Причем, если Лохвицкий просил решение Совета отменить как неправильное, то прокурор настаивал на исключении Александра Владимировича из адвокатского сословия. Мнение прокурора возобладало, и Московская судебная палата преимущественно всего в один голос (8 против 7) вынесла вердикт об исключении Лохвицкого А.В. из числа присяжных поверенных.

Но он не стал с этим мириться и обжаловал решение судебной палаты в высшей инстанции - Правительствующем Сенате, где при рассмотрении поступившей жалобы обер-прокурор Сената полностью поддержал решение палаты и предлагал Лохвицкому в жалобе отказать. Речь самого Лохвицкого А.В. в свою защиту заняла почти час, была настолько хороша и убедительна, что по завершении слушаний присутствовавшая публика отметила её громкими овациями.

Обстоятельно изучив материалы дела, Коллегия Правительствующего Сената поддержала Лохвицкого и согласилась с его аргументами. Было отмечено, что при суждении о профессиональной деятельности присяжного поверенного по

Присяжная адвокатура

1866–1917

принятию и ведению им гражданского дела принцип безусловной нравственности не может служить руководящим началом.

Сенат дал вполне разумные и актуальные до настоящего времени разъяснения: адвокат, в силу своей профессии, являющийся посредником между тяжущимся и судом по предмету разрешения спора о праве, не может быть рассматриваем в своей деятельности с точки зрения требований индивидуальной нравственности.

«На

обязанности адвоката не может быть возложено разыскание нравственной чистоты дела, и поэтому принятия им гражданского дела к своему производству может регулироваться только закономерностью тех требований, защитником которых он является, и наличностью тех данных для удостоверения в действительности защищаемого права, которые установлены законом или сим последним покровительствуются. При этом, нельзя оставить без внимания и то, что критерий индивидуальной нравственности слишком неуловим и понимается всяким по-своему; допустить обязанность присяжного поверенного устраняться от защиты прав, которые, по мнению его, приобретены тяжущимся способами нечестными, значило бы значительное количество прав, основанных на законе, без защиты и затруднить тяжущимся доступ к правосудию, ибо ведение гражданских дел требует знания и опытности, которыми не всегда обладают сами тяжущиеся».

В результате Общее собрание Кассационных департаментов Правительствующего Сената 22 января 1879 года, не усмотрев в фактах, признанных в решении судебной палаты, деяний, влекущих за собой дисциплинарное взыскание, постановило решение Московской Судебной палаты отменить «со всеми последствиями».

Оценивая заслуги Александра Владимировича в отстаивании им права на ведение адвокатами самых разных дел, без оглядки на их морально-нравственную оценку и опасения быть наказанными органами адвокатского самоуправления,

Рѣшенія Общаго Собранія Перваго и Кассационныхъ Д-товъ и Кассационныхъ Д-товъ Правительствующаго Сената.

1879 г.

1. 1879 года января 22-го дня. По дѣлу присяжнаго повереннаго Александра Лохвицкаго.

(Предсѣдательствовалъ Первоприсутств. Сенатъ. В. Г. Черногизовъ; докладывала дѣло Сенаторъ В. Г. Коробинъ; заключение давалъ и. о. Об-Прокурора Д. Б. Беръ).

Бывшій помощникъ присяжнаго повереннаго дѣйствительный студентъ Элькинъ, преданный суду, былъ признанъ присяжными засѣдателями виновнымъ въ томъ, что, сблизившись со вдовою Поповой, съ которою взаимно согласился вступить въ бракъ, и будучи такимъ образомъ ея женихомъ: 1) выманилъ у нея обманомъ 15 т. руб., на зачетъ какихъ денегъ между нимъ и знаею, что я не долженъ былъ такъ дѣйствовать“; юридически онъ, Лохвицкій,

попой вслѣдствіе дешевой покупки у нея дома; въ этомъ искѣ Поповой также отказано. По означеннымъ тремъ искамъ отвѣчалъ, по довѣренности Элькина, присяжный поверенный Лохвицкій. Затѣмъ, по заявленію присяжнаго повереннаго Ордынскаго, въ совѣтъ присяжныхъ поверенныхъ было возбуждено дисциплинарное производство противъ Лохвицкаго. Изъ протокола засѣданія совѣта видно, что Лохвицкій объяснилъ совѣту, что, принимая на себя защиту Элькина, онъ предложилъ ему поздравить Поповой 15 т. р., потому что домъ купленъ выгодно и онъ поступилъ неправо; Элькинъ прогнѣвалъ на него хохотомъ, сказавъ: „я поступилъ съ Поповой, какъ разбойникъ, я зачѣмъ какихъ денегъ между нимъ и знаею, что я не долженъ былъ такъ дѣйствовать“; юридически онъ, Лохвицкій,

Присяжная адвокатура

1866–1917

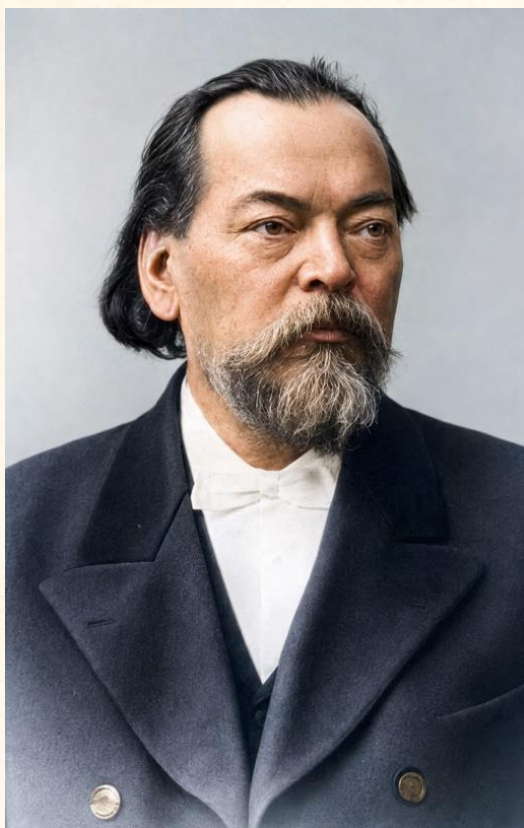
присяжный поверенный Шайкевич А.С. – кстати, противник Лохвицкого А.В. на процессе по делу игуменьи Митрофании – говорил о нём так: *«Как доблестный воин, собственною грудью защищал он заветные принципы родного учреждения; на своих плечах вынес он независимость и свободу русской адвокатуры; история института никогда не забудет этой его заслуги».*

Увы, слова эти были сказаны на похоронах Александра Владимировича Лохвицкого, который скончался 16 мая 1884 года от неожиданной болезни и несвоевременного оказания медицинской помощи на 55-м году жизни. Похоронен в Москве на кладбище Новодевичьего монастыря.

В некрологе, написанном известным присяжным поверенным Д.И. Невядомским, в числе многих добрых слов, было сказано: *«Одним из личных достоинств Александра Владимировича была его поистине редкая доброта и та искренняя готовность оказать действительную помощь всякому нуждающемуся в ней. Пишущему эти строки, да вероятно и многим другим, ближе знавшим покойного, известно сколько добра делал он, сколько лиц получили возможность довершить свое образование, благодаря его материальной поддержке; не говорим уже о той массе лиц, которые сохранили свое доброе имя и свою свободу благодаря только искусной защите, весьма часто безвозмездно предложенной им Лохвицким... Как доблестный воин, собственною грудью защищал он заветные принципы родного учреждения; на своих плечах вынес он независимость и свободу русской адвокатуры; история института никогда не забудет этой его заслуги».*

Присяжная адвокатура

1866–1917

Родился **Федор Никифорович Плевако** 13 апреля 1842 года в городе Троицке Оренбургской губернии.

В этом городе с 1849 по 1851 годы Плевако учился в приходской школе, а затем его семья переехала в Москву. Осенью 1851 года он поступил в Московское коммерческое училище, откуда через два года перевелся в третий класс Первой Московской гимназии на Пречистенке. После окончания гимназии в 1859 году поступил на юридический факультет Императорского Московского университета, закончив его в 1864 году.

Сначала Федор Плевако служил на общественных началах стажером в Московском окружном суде, но вскоре записался в помощники к присяжному поверенному М.И. Доброхотову, являвшемуся в то время Председателем Совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты. В архивных материалах Московского Совета присяжных поверенных значится, что кандидат прав Плевако Федор Никифорович был принят в адвокатуру 19 сентября 1870 года.

Эти события происходили во времена реформирования государственного устройства, включая создание совершенно новой судебной системы. И не случайно молодой Плевако, только что обучившийся на юриста, желал попробовать свои силы на неизведанном поприще. Много позже, в своей речи 29 октября 1895 года в Москве, на обеде по случаю 25-летия его деятельности в качестве присяжного поверенного, Фёдор Никифорович так описывал свои ощущения: *«Но вот подуло свежим весенним ветром, и по русской ниве, как дух вверх воды, пронеслась благодатная идея творчества новых условий жизни, взамен бывшего неустройства, и тьмы, и хаоса, и безобразности бездны... Там был призыв к новой жизни, там были вещи пророчества о насаждениях на родной ниве чудес общечеловеческой культуры, там возвещалось, что правда – не случайная милость судьбы, но прирожденное право человека, там говорилось, что работа над правовыми интересами человечества – не занятие досужих умов, а одно из лучших*

Плевако Ф.Н.

Присяжная адвокатура

1866–1917

воплощений нравственного долга тех, кто жаждет честного труда и не отождествляет с ним свое корыстную эксплуатацию своего времени и жизни».

История показала, что молодой Плевако, выбрав адвокатскую профессию, не ошибся, и тем самым увековечил свое имя.

Начав выступать в судах и наработывая свое ораторское мастерство, Фёдор Никифорович отличался обстоятельным анализом доказательств, внимательностью к деталям, метафоричностью применяемых образов и сравнений, акцентированием внимания слушателей на обстоятельствах, свидетельствующих в пользу подзащитных.

В одном из своих первых дел, слушавшихся в январе 1868 года и не увенчавшихся для Плевако успехом, поскольку его доверитель, обвинявшийся в подлогах Алексей Маруев был признан виновным, Федор Никифорович сосредоточился на анализе свидетельских оговоров. В дальнейшем, как писал в своей популярной среди юристов книге П. Сергеевич «Искусство речи на суде», Плевако блестяще применял такие приёмы как антитеза, сравнительный метод, опровержение.

Вот как описывали Плевако Ф.Н. современники: *«Скуластое, угловатое лицо калмыцкого типа с широко расставленными глазами, с непослушными прядями длинных темных волос могло бы назваться безобразным, если бы его не освещала внутренняя красота, сквозившая то в общем одушевленном выражении, то в доброй, львиной улыбке, то в огне и блеске говорящих глаз. Его движения были неровны и подчас неловки; неладно сидел на нем адвокатский фрак, а пришепетывающий голос шел, казалось, вразрез с его призванием оратора. Но в этом голосе звучали ноты такой силы и страсти, что он захватывал слушателя и покорял его себе».*

Трудно переоценить весьма значительное профессиональное наследие Плевако Ф.Н. В подготовленном его учеником присяжным поверенным Муравьевым Н.К. двухтомнике речей «московского златоуста» содержатся выступления по делам о преступлениях против личности, о крестьянских и рабочих беспорядках, речи застольные и политические, в числе которых "Дело Лукашевича", "Дело светлейшего князя Грузинского", "Дело корнета Бартенева", "Дело Гилярова-Платонова и Дубинского", застольная "Речь на собственном юбилее" и целый ряд других (том I, 1909, 373 стр.). Второй раздел сборника посвящен текстам речей по делам об имущественных преступлениях (том II, 1910, 451 стр.).

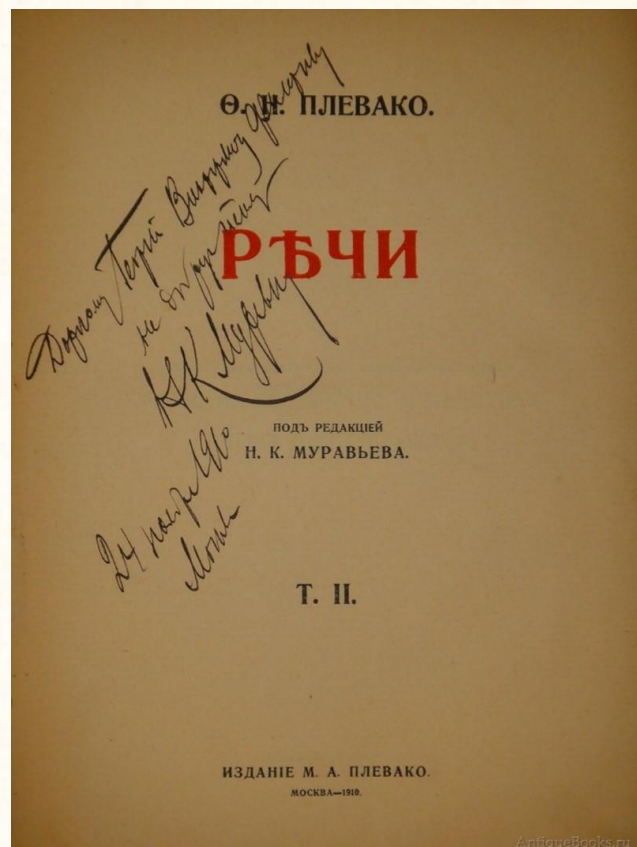
Присяжная адвокатура

1866–1917

Достаточно сказать, что раздел об имущественных преступлениях включает в себя 29 (!!) речей, прозвучавших на самых разных процессах во многих городах России по делам: Харьковского общества взаимного кредита (Харьковский окружной суд, май 1881 года), Московского Ссудного Коммерческого банка (Московская судебная палата, октябрь 1876 года), фабриканта Саввы Ивановича Мамонтова и других, обвиняемых в злоупотреблениях в Обществе Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги (Московский окружной суд, июль 1900 года), об искусственных авариях в Керченском проливе (Одесский окружной суд, декабрь 1885 года), о злоупотреблениях в Таганрогской таможне (Харьковская судебная палата, февраль-март 1885 года), о злоупотреблениях в Харьковском Земельном и Торговом банках (Харьковская судебная палата, январь-март 1903 года), Скопинского городского общественного банка (Московская судебная палата, ноябрь-декабрь 1884 года), о злоупотреблениях в Саратовско-Симбирском банке (Тамбовский окружной суд, июнь-июль 1887 года).

В одних делах Федор Никифорович поддерживал гражданские иски, как это было например, в деле по обвинению Азаевой и Азбукиной, слушавшемся в Московском окружном суде 24 января 1873 года, или в нашумевшем деле игуменьи Митрофании, рассмотренном тем же судом с 5 по 19 ноября 1875 года.

По делам, где приходилось защищать подсудимых, у Плевако случались неудачи, как это было, например, с корнетом Бартеневым, признанным виновным в убийстве артистки Висновской в феврале 1891 года Варшавским окружным судом. Но чаще логика и красноречие Федора Никифоровича достигали желаемых результатов. Так было по делу «клуба червонных валетов», по итогам рассмотрения

Сборник речей Плевако Ф.Н. с дарственной надписью Муравьёва Н.К.

Присяжная адвокатура

1866–1917

которого в марте 1877 года в Московском окружном суде подзащитный Плевако - Мазурин был признан невиновным. В деле полицмейстера Савченко-Бельского, причинившего потерпевшему смерть, присяжные заседатели признали необходимую оборону и он был оправдан (Киевская судебная палата, 22-23 сентября 1883 года). В отличие от нескольких других подсудимых, подзащитный Плевако Бакиханов был признан невиновным в деле об убийстве присяжного поверенного Старосельского (Тифлисская судебная палата на выездной сессии в г. Баку, сентябрь 1899 года).

Каковы же причины таких успехов и в чем заключалась сила слова Плевако Ф.Н.? Отчасти ответ на этот вопрос дает выдающийся русский правовед и судебный деятель Кони А.Ф., посвятивший «златоусту» такие строки о его речи: *«В ней, ... всегда над житейской обстановкой дела, с его уликами и доказательствами, возвышались, как маяк, общие начала, то освещая путь, то помогая его отыскивать. Стремление указать внутренний смысл того или иного явления или житейского положения заставляло Плевако брать краски из существующих поэтических образов или картин или рисовать их самому с тонким художественным чутьем и, одушевляясь ими, доходить до своеобразного лиризма, производившего не только сильное, но иногда неотразимое впечатление. В его речах не было места юмору или иронии, но часто, в особенности, где дело шло об общественном явлении, слышался с трудом сдерживаемый гнев или страстный призыв к негодованию. ... Некоторые из его речей блистают не фейерверком остроумия, а трещат и пылают, как разгоревшийся костер».*

По наблюдениям Кони А.Ф., в построении Плевако Ф.Н. своих речей *«никогда не чувствовалось предварительной подготовки и соразмерности частей. Видно было, что живой материал дела, развертывавшийся перед ним в судебном заседании, влиял на его впечатлительность и заставлял лепить речь дрожащими от волнения руками скульптора, которому хочется сразу передать свою мысль, пренебрегая отделкою частей, и по несколько раз возвращаться к тому, что ему кажется самым важным в его произведении. Не раз приходилось замечать, что и в ознакомление с делами он вносил ту же неравномерность и, отдавшись овладевшей им идее защиты, недостаточно внимательно изучал, а иногда и вовсе не изучал подробностей. Его речи по большей части носили на себе след неподдельного вдохновения. Оно овладевало им, вероятно, иногда совершенно неожиданно и для него самого».*

Плевако Ф.Н.

Присяжная адвокатура

1866–1917

Впечатленный выступлениями Плевако, писатель Вересаев В.В. объяснял, что главная сила адвоката заключалась "в интонациях, в подлинной, прямо колдовской заразительности чувства, которыми он умел зажечь слушателя".

Очень показательны впечатления от выступления «златоуста», оставленные одним из судей: *«Удивительное дело! – откровенно сознавался судья, вспоминая речь Федора Никифоровича. – Я совершенно не постигаю, чем она убедила нас в его правоте. Но тогда у меня не было даже малейшего колебания, я знал, что он прав, знал, что так, как он, может говорить только человек, который убежден в своей правоте, и в ту минуту у меня даже не было своего мнения, все, что я говорил в совещательной, было сплошным цитированием речи Федора Никифоровича»*¹...

В Москве Плевако Ф.Н. жил сначала в доме в Большом Афанасьевском переулке, а потом с семьей переехал на Новинский бульвар, где также приобрел несколько доходных домов, в том числе дом по адресу Новинский бульвар, 18а, построенный по его заказу архитектором Микини.

В 1894 году Федор Никифорович купил усадьбу в селе Вишневое Козловского уезда Тамбовской губернии, куда старался регулярно приезжать. В этом имении он проводил благотворительные обеды для крестьян и здесь же неподалеку приобрел крахмальный завод. Местные жители избрали Плевако Ф.Н. сначала депутатом Козловского уездного земского собрания, а потом и депутатом губернского Тамбовского земского собрания.

Среди личных документов Плевако Ф.Н. сохранилось письмо на его имя от председателя Тамбовской Губернской Земской управы от 5 января 1904 года, в котором тот обращается к «Его Высокоблагородию Ф.Н. Плевако», сообщая, что от минувшего очередного Губернского Земского Собрания осталось нерассмотренными более 100 вопросов, в том числе неутвержденная смета на 1904 год. Поэтому, получив разрешение на созыв Чрезвычайного Собрания на 15 число текущего января, он информирует об этом милостивого государя Федора Никифоровича и просит принять уверения в совершенном почтении и преданности.

Дошедшие до наших дней документы свидетельствуют, что Плевако, несмотря на большую адвокатскую практику, не был чужд проблем органов самоуправления присяжной адвокатуры. Его коллеги по корпорации не раз избирали Федора Никифоровича председателем ежегодно проводившихся общих

¹ Плевако С.Ф. Последние годы жизни Плевако Ф.Н. (из воспоминаний). – Н. Новгород, 2013. С. 39.

Присяжная адвокатура

1866–1917

собраний московских адвокатов. Такие случаи имели место на Вторичном 17-м общем собрании присяжных поверенных, состоявшемся 5 декабря 1882 года, 18-м общем собрании 11 декабря 1883 года, 20-м общем собрании 17 ноября 1885 года, 25-м общем собрании 2 декабря 1890 года. Известен также факт, что в 1886 году Плевако Ф.Н. передал в дар библиотеке Совета московских присяжных поверенных 259 принадлежавших ему книг.

Когда молодая российская адвокатура накопила опыт и встал вопрос о необходимости реформирования некоторых её правовых основ, новый министр юстиции Муравьев Н.В., возглавлявший ведомство с 1894 по 1905 годы, создал комиссию по разработке соответствующих предложений, куда были приглашены наиболее авторитетные адвокаты, включая Плевако Ф.Н. Острому обсуждению подлежали, хотя в итоге так и не были реализованы, вопросы деятельности советов присяжных, гонорарные аспекты, организация работы помощников, дисциплинарные проблемы, и ряд других. К примеру, Плевако Ф.Н. и ряд его единомышленников выступали за то, чтобы проступки присяжных поверенных, совершенные во время судебных заседаний, изъять из компетенции советов и передать их на рассмотрение судебных учреждений.

Активно занимался Плевако Ф.Н. патронированием молодых коллег. К примеру, знаменитый Собинов А.В., прежде чем стать профессиональным певцом, служил помощником присяжного поверенного у Федора Никифоровича Плевако. На одном из благотворительных концертов в его доме Собинов был представлен знаменитой актрисе Ермоловой М.Н., которая и посоветовала молодому дарованию попробовать свои силы в Большом театре, что и предопределило его дальнейшую судьбу.

Известен также факт образования в начале 1890-х годов группы молодых помощников присяжных поверенных так называемого «бродячего клуба», в который входили в будущем известные адвокаты Маклаков В.А., Малянтович П.Н., Муравьев Н.К., Тесленко Н.В. и Ходасевич М.Ф. Убедившись в их профессионализме и желании активно работать, Плевако Ф.Н. стал опекать адвокатскую молодежь и, к примеру, совместно с ними участвовал в защите рабочих Коншинской мануфактуры.

Примечательно, что в своей профессиональной деятельности Федор Никифорович был не чужд делам с политическим окрасом, что затем привело его к необходимости найти свое место в общественных процессах, протекавших в то время в царской России.

Плевако Ф.Н.

Присяжная адвокатура

1866–1917

Ещё в 1878 году Плевако участвовал в «охотнорядском деле» группы студентов, устроивших в Москве демонстрацию солидарности с политическими ссыльными и сопротивлявшимися при этом полиции. В 1880 году он защищал крестьян села Люторичи Тульской губернии, взбунтовавшихся против их закабаления помещиком графом Бобринским, в результате чего власти вызвали войска и подавили бунт. Тщательно исследовав с цифрами в руках долговые обязательства крестьян, Федор Никифорович продемонстрировал на суде, что виновниками возникшего недовольства на самом деле был жуликоватый управляющий и поддерживавший его помещик, что и привело к конфликту. Плевако добился того, что из 34 подсудимых 30 было оправдано. По свидетельству очевидцев, после окончания речи Плевако, в зале суда гремели рукоплескания взволнованных и потрясенных слушателей. По мнению А.Ф. Кони, выступление Плевако на этом процессе было по условиям и настроениям того времени гражданским подвигом.

В числе проведенных Плевако Ф.Н. дел следует назвать также суд над участниками стачки рабочих Никольской мануфактуры фабрикантов Морозовых в Орехово в январе 1885 года (процессы во Владимирском окружном суде), дело рабочих фабрики Коншина в г. Серпухове (процесс декабря 1897 года в Московской судебной палате), дело о беспорядках на подмосковной мануфактуре Баранова (весна 1904 года, процесс в Московской судебной палате весной).

Принятие царского манифеста 17 октября 1905 года о гражданских свободах подтолкнуло маститого адвоката больше погрузиться в политическую жизнь страны. Для этого он вступил в партию «октябристов», выступавшую за конституционную монархию и поддерживавшую реформу самоуправления, столыпинские аграрные нововведения и решение актуальных проблем рабочих.

Выступая перед однопартийцами на Всероссийском съезде Союза 17 октября, проходившем 8-12 февраля 1906 года в Москве, Плевако Ф.Н. искренне говорил, что все они собрались, чтобы поделиться думами и побеседовать о благе страны. Веря в обещанные властью изменения в жизни гражданского общества, Федор Никифорович, в свойственной ему аллегорической манере, делал прогнозы на будущее: *«Долго еще с северных вершин, покрытых выпавшим зимою снегом, веяло холодом, то наносило снежные вихри и бури; долго еще, медленно тающий ладожский лед понижал температуру, но весенние дни шли, и весеннее солнце, шаг за шагом, побеждало запоздавшую стужу. Уже очистилась земля от снегового покрова; уже вышел Царственный Пахарь и разбросал по нивам семена гражданской свободы. Страстно приняла в свою утробу эти семена жаждающая*

Плевако Ф.Н.

Присяжная адвокатура

1866–1917

земля: они не умрут в ней, она уже не отдаст их назад, а возрастит плод по роду семени и по подобию его. Весна пришла. Придет за ней и красное лето».

Осенью 1907 года Плевако Ф.Н. был избран от партии «октябристов» в III Государственную Думу, хотя и не оставил после этого полностью адвокатскую деятельность. В анкете члена Государственной Думы Плевако указал, что является присяжным поверенным, по национальности русский, вероисповедание - православный, был избран от Москвы по первому разряду. В Думе он стал председателем судебной комиссии.

Единственное выступление Плевако Ф.Н. перед депутатами, случившееся 20 ноября 1907 года, было связано с так называемой «столыпинской декларацией» – речью главы правительства Российской Империи Столыпина П.А. в Государственной Думе 16 ноября 1907 года, посвященной его планам обустройства страны. Призывая к разумному взаимодействию с властью, Фёдор Никифорович высказывался, по своему обыкновению, весьма образно и с акцентом на правовые аспекты разрешения возникающих проблем:

- «...Этой декларацией приступается к перестройке нашего древнего здания, сохраняя исторический фундамент, на котором оно воздвигнуто, но не щадя, если сравнить государство с лесом, ни бурелома, ни сухопостоя в нем, а давая здоровым деревьям свет и простор для их дальнейшего роста, для их дальнейшего развития»;

- «Трудом, а не песнями спасется Русь. Декларация зовет нас к нему. Заменяли песни о свободе песнями свободных рабочих, воздвигающих здание права и порядка»;

- «Земное правосудие вручило вам меч; есть еще другое правосудие, которое внушает вам иное отношение: правосудие небесное, которое всегда зовет сочетать строгость судьи, его обязанности с чувством человечности и пощады»;

- «Бывают минуты в жизни и истории, когда государства, подобно отдельному человеку, стоят перед вопросом гибели и не имеют в условиях нормальных жизни средств спасения; тогда, конечно, только упрямый профессор и горящий нетерпением юноша будут говорить: да сохранится правосудие и уничтожится страна; но здравый государственный ум, ум великого народа, который сумел из ничтожного племени сделаться властителем мира, ответит на это другое: когда государство в опасности, спасение государства есть верховный закон».

Присяжная адвокатура

1866–1917

В тоже время пребывание в новом для себя качестве не приносило Федору Никифоровичу удовлетворения, свидетелем чего был его сын Сергей (старший), описавший так состояние отца:

«Между ним и Думой в действительности лежит глубокая пропасть, перейти которую ему, воспитанному в других условиях и привычках, уже не хватит ни сил, ни умения. С горестью почувствовал отец себя в Думе одиноким, чужим и непонятым. Больно было видеть ему, как те, которых он еще недавно считал своими учениками, которые с таким вниманием прислушивались к каждому его слову, не только оставались равнодушными к его призывам, но даже подшучивали, подсмеивались над ними. Но еще обиднее было отцу за то, что даже в среде своих единомышленников он чувствовал себя как бы особняком ... Все это только еще более углубляло его недоумение, усиливало разочарование, и через 2-3 недели пребывания в Думе отец уже почувствовал усталость, упадок энергии, скрывать которые ему становилось все труднее и труднее»².

В тоже время «Отец до самых последних дней своих не переставал быть адвокатом, хотя фактически уже с 1907 года ему пришлось уделять адвокатуре все меньше и меньше времени, отдавая его целиком деятельности политической. Таким образом, 1906 год был до известной степени лебединой песней адвоката Плевако. Хотя практика его к этому времени уже значительно сократилась, что было вызвано в большей степени перенесенной им перед этим тяжелой болезнью, настолько тяжелой, что пользовавшийся его проф. Остроумов одно время потерял всякую надежду на благополучный исход»³.

Плевако Ф.Н., не справившись с серьезным заболеванием, умер 23 декабря 1908 года. Его хоронили при огромном скоплении людей всех сословий и званий. В некрологе, вышедшем в журнале «Нива», было сказано: «Плевако по справедливости считался блестящим адвокатом. Его звали «Московский златоуст», и этот эпитет как нельзя лучше определял Федора Никифоровича, как судебного оратора и как человека... Плевако был человек огромного ума, сердца и таланта, стихийно могучий, не всегда ровный. О Плевако говорила вся Россия».

² Плевако С.Ф. Указ. соч. С. 68-69.

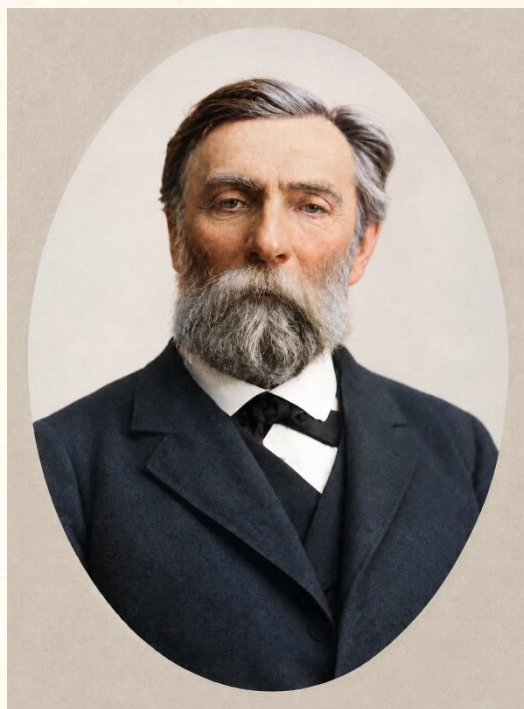
³ Там же. С. 26.

Присяжная адвокатура

1866–1917

На излете существования русской присяжной адвокатуры, когда над ней уже сгущались тучи мировых войн и революционных потрясений, в Московском совете присяжных поверенных служили люди, ставшие живым воплощением нравственного кодекса профессии. Они не произносили речей, от которых рыдала публика, и не мелькали на страницах бульварных газет. Их оружием были безупречная репутация, неподкупность и та особая внутренняя тишина, которая заставляет прислушиваться к себе даже самых крикливых оппонентов. К числу таких хранителей адвокатского «духа», несомненно, принадлежал

Дмитрий Николаевич Доброхотов.

Он вступил в адвокатское сословие в последней четверти XIX века — в ту пору, когда московская адвокатура уже обрела и «королей», и свои традиции. В документах Московского Совета присяжных поверенных значится, что «Доброхотов 1й Дмитрий Николаевич, действительный студент», принят в корпорацию в 1879 году. Номер около его фамилии был проставлен потому, что среди адвокатов того времени уже было несколько его однофамильцев.

Дмитрий Николаевич был учеником и помощником самого Федора Никифоровича Плевако, и это обстоятельство наложило отпечаток на всю его дальнейшую жизнь. От великого мастера он воспринял не внешние приемы красноречия — Бог не дал ему такого же пламенного дара, — а глубинное понимание адвокатской миссии: защита есть не ремесло, а общественное служение. Плевако ценил в нем основательность, кристальную порядочность и умение вникать в самую душу правового спора.

Не чужд был Доброхотов и корпоративной жизни. Сначала он стал членом комиссии по устройству архива Совета, потом коллеги включили его в состав комиссии по подготовке замечаний на проект Уголовного Уложения. Зарекомендовав себя с положительной стороны, Дмитрий Николаевич возглавил «комиссию о помощниках», исполнял обязанности казначея, а еще через некоторое время стал товарищем (заместителем) председателя Совета.

Доброхотов Д.Н.

Присяжная адвокатура

1866–1917

Очень скоро Доброхотов занял в московской адвокатуре совершенно особое место. Он не стал узким специалистом по резонансным убийствам или миллионным искам, его делом стала сама корпорация. Через руки Доброхотова проходили бесчисленные дисциплинарные дела, жалобы клиентов на адвокатов, споры между коллегами.

Здесь и раскрылся его подлинный талант: он был прирожденным миротворцем и арбитром. В ситуациях, когда сталкивались самолюбия, когда молодые горячие головы готовы были затеять взаимные разоблачения, Дмитрий Николаевич садился за стол и своим тихим, спокойным голосом начинал распутывать клубок взаимных обид. Он никогда не принимал решений с кондачка, никогда не искал личной выгоды. Его вердикты в совете уважали даже те, кому они были невыгодны, потому что знали: Доброхотов судит не по букве, а по справедливости, но при этом назубок знает все законы и прецеденты. Эта способность твердо и без гнева отделять правду от кривды сделала его совестью московской адвокатуры.

О работе Дмитрия Николаевича по дисциплинарным делам в период, когда он уже возглавил московский Совет присяжных поверенных, дают некоторое представление следующие случаи.

В октябре 1913 года Совет заслушивал доклад своего Председателя Доброхотова Д.Н. о деле, суть которого заключалась в том, что некий помощник присяжного поверенного N раздавал рекламные объявления со своими данными среди крестьян на базаре, в чайной, пивных и волостном правлении, с указанием специальности «по крестьянским делам». По мнению докладчика, N «записавшись в члены сословия, нисколько не озаботился познакомиться со взглядами Совета и сословия на такого рода действие начинающего члена сословия и нисколько не задумался рекламировать себя приемами низменного типа лавочника и, что всего удивительнее, окончание им курса на двух факультетах Университета, не выразилось в результате подъемом чувства собственного достоинства». Приняв во внимание молодость, недавнее пребывание в сословии и «поистине примитивно-искреннее непонимание дозволенного и недозволенного с сословной точки зрения», Совет решил объявить N предостережение.

По другому дисциплинарному производству рассматривался случай, когда к градоначальнику на прием явился присяжный поверенный Г. с ходатайством о разрешении своему клиенту господину К. открыть «дом свиданий» мужчин с женщинами. Градоначальник обратился в Совет, написав: «Уважая корпорацию

Присяжная адвокатура

1866–1917

присяжных поверенных, я считаю своим долгом довести об этом до сведения Совета, так как полагаю, что принятие к своему производству подобного рода дел не совместимо с достоинством и честью почетного звания присяжных поверенных».

Совет под председательством Маркова А.Н., рассмотрев дело, учел объяснения Г. о том, что сам он считает принятие ходатайства об открытии «дома свиданий» для присяжного поверенного неприличным, унижительным и неприемлемым, и поскольку ранее он дисциплинарным взысканиям не подвергался и состоял в сословии продолжительное время, в качестве взыскания был избран строгий выговор.

В то же время, Доброхотов Д.Н. представил свое особое мнение, в котором усомнился в искренности присяжного поверенного Г., заявленной при разбирательстве его дисциплинарного дела. По мнению Доброхотова, Г. видел ясно цель и средства ее выполнения и сознательно шел на это. *«Принятое им поручение слишком бесстыдно ясно было сформулировано, чтобы получивший высшее образование человек мог иметь хотя бы малейшее сомнение в его значении и свойстве. ... Можно с уверенностью сказать, что едва ли самое пылкое воображение могло представить возможность составления и утилизации присяжным поверенным договора для исходайствования классам населения, обременяющим без всякого стеснения свою растяжимую совесть общественными недугами, договоры, где на первом плане бесстыдно выдвигался половой элемент».*

И далее Михаил Иванович предлагал: *«На основании изложенного, признавая присяжного поверенного Г. виновным в принятии на себя поручения крайне предосудительного свойства, свидетельствующего о столь же крайне неоправданной его неразборчивости в принятии дел для ведения, что для этого поручения он составил или принял уже составленную другим лицом доверенность, в которой это поручение было изложено в бесстыдной до цинизма форме; что никаких обстоятельств, могущих ослабить вину присяжного поверенного Г., в деле не усматривается, я полагал бы воспретить присяжному поверенному Г. отправление обязанностей присяжного поверенного в течение определенного срока».*

Из-за нагрузки корпоративными вопросами Доброхотов М.И. стал появляться в судебных заседаниях реже, чем хотелось бы его почитателям. Но если уж брался за дело, то вел его с дотошностью бухгалтера и тактом дипломата. Он не эпатировал присяжных, не метал громы и молнии в прокурора. Его защита

Присяжная адвокатура

1866–1917

строилась на логике и тонком знании человеческой психологии. Коллеги вспоминали, что в его гражданских процессах была особая «химия»: он умел примирить враждующие стороны прямо в коридоре суда, сохранив и деньги, и репутацию доверителя.

Из дошедшего до нашего времени справочника с контактными данными присяжных поверенных Москвы на 15 ноября 1916 года можно узнать, что Дмитрий Николаевич проживал на Никитском бульваре в доме 15 и имел 9 помощников.

Председательствуя на торжественном собрании, посвященном 50-летию московской присяжной адвокатуры, отмечавшемуся 23 сентября 1916 года, Доброхотов Д.Н. в приветственном слове говорил: *«Вступая на новый путь, указанный нам историей адвокатуры, считаем долгом в настоящее время обернуться назад, на путь, уже пройденный нами. Московский Совет Присяжных Поверенных, оборачиваясь на этот путь с признательностью вспоминает прошлое и черпает в нем указания на будущее, ибо будущее строится по прошлому и прошедшее есть урок для будущего. ... Когда мы обсуждали положение нашего сословия и образ действия наших товарищей, мы никогда не извиняли себя ссылкой на плохие времена. На плохие времена тогда ссылаются люди, когда они сами становятся плохи».*

Въ 2 часа дня, 23 сего сентября, въ залѣ засѣданій Судебной Палаты, состоялось торжественное молебствіе, а затѣмъ всѣ собравшіеся перешли въ Екатерининскую залу. Въ 3 часа дня Предсѣдатель Совѣта Д. Н. Доброхотовъ, занявъ предсѣдательское мѣсто, открылъ собраніе.

Предсѣдатель Совѣта Д. Н. Доброхотовъ: Имѣю честь открыть общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ и ихъ помощниковъ округа Московской Судебной Палаты при участіи представителей судебныхъ, общественныхъ и научныхъ учреждений и представителей адвокатуры другихъ округовъ.

Фрагмент протокола торжественного заседания, проводившегося 23 сентября 1916 года в Георгиевском зале Кремля.

Присяжная адвокатура

1866–1917

Настоящее величие Доброхотова проявилось в дни испытаний. Когда началась Первая мировая война, а затем и революционная смута, многие адвокаты покинули Москву или ринулись в политику. Дмитрий Николаевич остался на своем посту. В разоренном, голодном городе он до последнего пытался сохранить остатки юридической взаимопомощи, организовывал консультации для солдаток и беженцев, защищал тех, кого преследовали уже не по уголовным статьям, а по законам революционной целесообразности. Это был сизифов труд, но он не бросал его, потому что давал присягу служить праву — и служил ему до тех пор, пока сами понятия о праве не исчезли в пожаре Гражданской войны.

Дмитрий Николаевич Доброхотов скончался в 1919 году. Он оставил о себе память как о человеке, который доказал, что авторитет в адвокатской среде измеряется не суммой гонораров, а мерой доверия, оказанного коллегами. В истории русского права он остался идеальным образцом представителя органа адвокатского самоуправления — строгим, милосердным и неподкупно честным, той самой «солью земли», на которой держалась слава московской присяжной адвокатуры вплоть до ее трагического финала.

Присяжная адвокатура

1866–1917

Александра Ивановича Урусова

следует отнести к московским адвокатам, да и к адвокатам вообще, с определенными оговорками, хотя в первую очередь он снискал свою славу, безусловно, как талантливый присяжный поверенный и великолепный судебный оратор. При этом он был всесторонне образованным человеком, литератором и театроведом, обладателем крупной коллекции автографов деятелей культуры, а также очень сильным обвинителем во время, когда состоял на прокурорской службе.

Он родился 2 апреля 1843 года в Москве в дворянской семье князя Ивана Александровича Урусова (1812—1871), а его мать происходила из знатного рода Нарышкиных.

Помимо семейного воспитания, Урусов А.И. получал образование в Первой Московской гимназии, которую окончил 1861 году, а затем поступил на юридический факультет Московского университета, и после его окончания в 1866 году был зачислен кандидатом на судебные должности в Московский окружной суд.

Как писал впоследствии выдающийся русский юрист и судебный деятель А.Ф. Кони, Урусов вначале искал службы, готов был стать судебным следователем, и лишь счастливая судьба не дала заглухнуть его силам в провинциальной глуши и толкнула его в адвокатуру.

Ещё кандидатом на судебные должности князь Урусов А.И. получил первую известность, когда ему была поручена защита крестьянки Мавры Волоховой, обвинявшейся в убийстве мужа. Прямых доказательств её вины не было, а сама она причастность к убийству отрицала. Позиция Урусова А.И. базировалась на анализе косвенных доказательств. Поддерживал на процессе обвинение товарищ прокурора М.Ф. Громницкий - будущий известный адвокат. Дело слушалось Московским окружным судом 11 февраля 1867 года. После убедительной речи защитника присяжные полностью оправдали Волохову.

По признанию присутствовавшего на суде, речь А.И. Урусова вызвала неслыханный восторг публики, о ней заговорили по всей Москве, а сам он на

Урусов А.И.

Присяжная адвокатура

1866–1917

следующий день «проснулся знаменитым», заняв уже в 24 года заслуженное место в передовых рядах русской адвокатуры.

Причем такую высокую оценку князь Урусов А.И. вскоре подтвердил ещё раз – когда в том же суде 8 июля 1867 года ему пришлось защищать кондитера Морозкина, обвиненного в сопротивлении полиции. Дело вызвало большой общественный резонанс, поскольку действия полиции выглядели довольно сомнительными в части их обоснованности. В числе иных лиц процесс посетил министр юстиции граф К.И. Пален.

Речь Урусова А.И. отличалась не только аргументированностью и логичностью, но и сарказмом, направленным против действий полицейских, объяснявших свое вторжение в помещение кондитерской некими секретными сведениями. В итоге Морозкин был оправдан.

Следует отметить и успешную защиту Урусовым А.И. 53-х крестьян села Хрущевки, обвинявшихся в сопротивлении властям. Дело слушалось 15-16 декабря 1867 года в городе Данкове Рязанской губернии. По этому поводу Кони А.Ф. в письме 21 марта 1868 года из Харькова писал Урусову А.И.: *«Я восхищался Вашей речью по Данковскому делу – по своей простоте, ясности и категоричности, это, бесспорно, лучшая из Ваших речей. Вот истинный образец речи пред уездными присяжными и по языку и по складу мыслей и доводов!»*.

Естественным после таких побед стало то, что Урусов А.И. 25 сентября 1871 года был принят в сословие присяжных поверенных при Московской судебной палате в качестве помощника присяжного поверенного Я.И. Любимцева.

Уже как помощник присяжного поверенного, Урусов А.И. расширял свою адвокатскую практику за пределы Москвы. В том же 1871 году он отлично провел два судебных процесса.

Присяжная адвокатура

1866–1917

По последнему отчету Совета, во всех округах Московской судебной палаты присяжных поверенных было 60 человек.

В течение года вышло из них четверо: И. И. Алексеев, П. И. Каменский, В. И. Борков и В. Д. Бёлов. Вновь принято Советом 22 человека, а именно:

1) Леонтий Федорович Снегирев.	12) Александр Яковлевич Пассовер.
2) Леонид Эрнестович Трейтер.	13) Александр Антонович Спиро.
3) Владимир Андреевич Капеллер.	14) Николай Яковлевич Березницкий.
4) Федор Александрович Нечаев.	15) Василий Яковлевич Покровский.
5) Иван Иванович Алексеев.	16) Иван Васильевич Чулков.
6) Василий Дмитриевич Коровин.	17) Яков Клементьевич Богачев.
7) Константин Петрович Полибин.	18) Николай Михайлович Городецкий.
8) Петр Николаевич Измаков.	19) Григорий Васильевич Бертольд.
9) Александр Андреевич Никольский.	20) Петр Акинфович Корсаков.
10) Лев Антонович Гольдсмит.	21) Осип Яковлевич Левенсон.
11) Иван Иванович Тоблер.	22) Александр Иванович Урусов (князь).

Фрагмент 5-го Отчета совета присяжных поверенных с 29 сентября 1870 года по 29 сентября 1871 года. Урусов А.И. последний в списке под № 22.

В январе в Рязанском окружном суде Урусов участвовал в деле группы лиц, обвинявшейся в краже заёмных процентных бумаг и организации незаконного аборт. Защищая вдову штабс-капитана Веру Дмитриеву, Александр Иванович доказывал, что она стала жертвой соучастника - полковника Кострубо-Карицкого. Завершая свою речь, Урусов А.И. говорил: *«Господа присяжные! Щадите слабых, склоняющих перед вами свою усталую голову; но когда перед вами становится человек, который, пользуясь своим положением, поддержкою, дерзает думать, что он может легко обмануть общественное правосудие, вы, представители суда общественного, заявите, что ваш суд – действительная сила, сила разума и совести, и согните ему голову под железное ярмо закона».*

Показательно, что в данном деле Урусов А.И., находясь в условиях коллизионной защиты, вынужден был противостоять маститым адвокатам других подсудимых, а именно – Ф.Н. Плевако и В.Д. Спасовичу. В итоге все подсудимые по делу были оправданы. В июле-сентябре того же 1871 года Урусов А.И. участвовал в суде Санкт-Петербургской судебной палаты в большом процессе «народников», возглавлявшихся революционером Нечаевым С.Г., где представлял интересы сразу нескольких обвиняемых. Среди других адвокатов подсудимых принимали участие такие звезды присяжной адвокатуры как Спасович В.Д. Стасов

Урусов А.И.

Присяжная адвокатура

1866–1917

Д.В., Арсеньев К.К., Танеев В.В., Герард В.Н. По мнению наблюдателей, своим ярким и бескомпромиссным выступлением Урусов А.И. встал в один ряд с «королем адвокатуры» Спасовичем В.Д.

Одним из истинных почитателей адвокатского таланта Урусова был известный поэт Ф.И. Тютчев. Он писал, что порой ему с чувством решительного удовлетворения выпадает случай слышать лучших адвокатов «нашего юного суда»: «Наибольшее удовольствие доставил мне, конечно, князь Урусов, обладающий действительно блестящим даром слова». Много позже, в 1899 году, наблюдая уже далеко не юного Урусова А.И. в Московском Окружном суде в деле о злоупотреблениях Московского кредитного общества, поэт увидел адвоката «доныне не ослабевшего в своем ораторском искусстве», которое и здесь проявилось с таким блеском.

Высочайше ценили Урусова и профессиональные юристы, среди которых особое место занимает А.Ф. Кони, в 1907 году написавший уникальный очерк «Два судебных оратора», где сравнил достоинства и стиль работы в суде уже ушедших к тому времени из жизни Александра Ивановича Урусова с Анатолием Фёдоровичем Плевако.

Достаточное представление о такой оценке дает следующий фрагмент: *«Основным свойством судебных речей Урусова была выдающаяся рассудочность. Отсюда чрезвычайная логичность всех его построений, тщательный анализ данного случая с тонкою проверкою удельного веса каждой улики или доказательства, но вместе с тем отсутствие общих начал и отвлеченных положений. В некоторых случаях он дополнял свою речь каким-нибудь афоризмом или цитатой, как выводом из разбора обстоятельств дела, но почти никогда он не отпадал от каких-либо теоретических положений нравственной или социальной окраски. Его речь даже в области общих выводов можно было уподобить великолепному ballon captif (привязной воздушный шар), крепко привязанному к фактической почве дела. Но зато на этой почве он был искусный мастер блестящих характеристик действующих лиц и породившей их общественной среды. Достаточно вспомнить чудесную картину гнилой и преступной обстановки, в которой действовали в Петербурге разные темные «проводители дел» в официальных сферах, изображенную им по делу Гулак-Артемовской, или характеристику дружелюбно-взаимного неисполнения долга при ревизии частного акционерного общества в ущерб доверчивым акционерам, данную им в деле Общества взаимного поземельного кредита. Наряду с такими характеристиками блистал его живой и подчас ядовитый юмор, благодаря*

Урусов А.И.

Присяжная адвокатура

1866–1917

которому пред слушателями, как на экране волшебного фонаря, трагические и мрачные образы сменялись картинками, заставлявшими невольно улыбнуться над человеческою глупостью и непоследовательностью. Остроумные выходки Урусова иногда кололи очень больно, хотя он всегда знал в этом отношении чувство меры. Логика доказательств, их генетическая связь увлекали его и оживляли его речь. Он был поэтому иногда очень горяч в своих возражениях, хотя всегда умел соблюсти вкус и порядочность в приемах».

Между тем быстрый взлет Урусова А.И. в присяжной адвокатуре и популярность в обществе не спасли его от гонений, последовавших после выступления на «нечаевском» процессе. Внимание властей привлекли выпады против власти и перевод уголовных аспектов обвинения в политическую плоскость. Кроме того, по некоторым данным, полиция получила сведения, что находясь после завершения суда в Швейцарии, Урусов публично высказывался о необходимости не выдавать Нечаева, скрывавшегося в этой стране. В результате по возвращении в Россию сначала у Урусова дома жандармами был произведен обыск, а осенью 1872 года он был отлучен от юридической практики и в административном порядке сослан в город Венден Лифляндской губернии под надзор местной полиции, откуда несколько позже переведен в Ригу.

Отчасти опала миновала, когда Урусова назначили 14 января 1875 года на весьма скромную должность старшего помощника секретаря канцелярии при местном генерал-губернаторе, а спустя год с небольшим - 21 марта 1876 года - товарищем прокурора Варшавского окружного суда.

И только по протекции А.Ф. Кони, в январе 1878 года Урусов А.И. получил назначение в столичный Петербург на должность товарища прокурора окружного суда. После этого какое-то время его талант судебного оратора находил воплощение в выступлениях уже в качестве обвинителя. Показательно, что в наше время, в выпущенном в 2020 году сборнике «Речи прокуроров Российской Империи» в качестве образца приведены два выступления Урусова А.И. в Санкт-Петербургском окружном суде в процессах по делам Гулак-Артемовской и Богданова (20—23 октября 1878 года) и в деле Юханцева (22—24 января 1879 года).

Состоя на прокурорской службе, Александр Иванович в тоже время не забывал о прежней адвокатской практике, куда очень хотел вернуться, и регулярно ставил вопрос перед своим руководством об отставке. Его просьба была

Присяжная адвокатура

1866–1917

удовлетворена в начале 1881 года, после чего Урусов стал присяжным поверенным при Санкт-Петербургской судебной палате.

К петербургскому периоду работы Урусова А.И. относится его участие в деле Мироновича И.И., по версии обвинения покушавшегося на изнасилование и убийство Сары Беккер, где Александр Иванович выступал в качестве гражданского истца (Петербургский окружной суд, 23 сентября – 2 октября 1885 года); дело о злоупотреблениях в Кронштадтском коммерческом банке (Петербургский окружной суд, 25 апреля – 10 мая 1883 года); дело об убийстве Марии Дрич (Витебский окружной суд, 15-16 апреля 1885 год).

В 1889 году Урусов А.И. переехал в Москву и продолжил деятельность присяжного поверенного в составе московской адвокатуры. В 23-м Отчете Совета присяжных поверенных за период с 10 октября 1888 года по 1 ноября 1889 года фамилия Урусова указана как вновь принятого. И уже 28 января 1890 года на очередном 24-м общем собрании коллеги избирают его председателем собрания.

В Москве Урусов А.И. выступал в защиту канцелярского служащего Орлова, обвиненного в убийстве хористки Большого театра Бефани (Московский окружной суд, 27 октября 1889 года), в защиту Сурина по делу о попытке поджога писчебумажного магазина (там же, 6 апреля 1894 года), в защиту Савицкого по делу об убийстве и ограблении (там же, 23 октября 1896 года); как гражданский истец по делу о злоупотреблениях в Московском Городском кредитном обществе (Особое присутствие Московской судебной палаты, 20 сентября 1899 года).

Ко времени пребывания Урусова А.И. в рядах московских присяжных поверенных относится и его триумфальное выступление во французском суде 21 октября 1891 года. Эта история связана с тем, что один французский писатель Леон Блуа обменялся колкостями с другим – Жозефом Пеладаном, в результате чего от последнего в парижский исправительный суд поступило дело о диффамации с иском к ответчику на 25 тысяч франков. По приглашению Блуа его взялся защищать свободно владеющий французским языком князь Урусов.

По итогам выступления московского адвоката пресса писала: *"... Князь Урусов ... произвел фурор. Даже жандармы кричали "Vive la Russe!", «Урусов произнес свою речь с большей легкостью, чем многие парижские адвокаты», «...Иллюстрацией моды на все русское явилось то, как князь покидал вчера здание суда. На улице он был встречен тысячной толпой, которая приветствовала его до хрипоты. А магазины, расположенные около суда, были украшены русским триколором».* Сам Урусов так оценил свой европейский успех оправдания Блуа:

Урусов А.И.

Присяжная адвокатура

1866–1917

"Два дня известности в Париже ... вот самая яркая страница моей оканчивающейся карьеры. ... До пресыщения наслаждался комплиментами"⁴.

Александр Иванович скончался в Москве 16 июля 1900 года. Из Петербурга на похороны Урусова приехал его близкий друг С.А. Андреевский. Он сказал у могилы на Пятницком кладбище речь, где были такие слова: «Мы хороним сегодня первосоздателя русской уголовной защиты. ...Слава твоему имени, Александр Иванович! Слава Москве, подарившей тебя России!»

Остается добавить, что сын Урусова Александр (1872—1917) пошёл по стопам отца и работал в Москве присяжным поверенным. В справочнике «Списки присяжных поверенных округа Московской судебной палаты и их помощников к 15 ноября 1916 года» указано, что князь Урусов Александр Александрович проживает в Москве в собственном доме на Арбате.

Отец и сын Урусовы похоронены вместе на Пятницком кладбище.

⁴ См.: Степанова А.В. Парижский триумф Урусова А.И. // Вопросы истории, 2011. С. 156-160.

Присяжная адвокатура

1866–1917

Муравьев

Николай

Константинович родился 21 марта 1870 года. Учился в Москве, в гимназии при лютеранской церкви с 1881 по 1885 годы, затем перешел в 1-ю Московскую гимназию, после окончания которой поступил в 1890 году на медицинский факультет Московского университета. Убедившись, что не имеет склонности к медицине, к концу 1892 года перевелся на юридический факультет того же университета. В связи с арестом и высылкой из Москвы только в 1896 году получил разрешение сдать экзамены за полный курс юридического факультета, что и было ему позволено сделать в Казани. Осенью того же 1896 года был принят в число помощников присяжных поверенных округа московской Судебной палаты.

Муравьев Н.К. был неординарной фигурой в истории не только московской, но и всей российской адвокатуры. Он успел сначала поработать как присяжный поверенный, а затем ещё и как член коллегии защитников послереволюционного периода, приложив руку к созданию адвокатуры советского периода.

Дальнейший рассказ об этом удивительном человеке будет изложен Генри Марковичем Резником, который 3 декабря 2020 года опубликовал на сайте Адвокатской палаты города Москвы очерк, посвященный 150-летию адвоката Н.К. Муравьева (1870-1936). Повествование о герое очерка иллюстрируется документами, которые удалось обнаружить в архиве при подготовке настоящего проекта.

Исполнилось 150 лет со дня рождения Николая Константиновича Муравьева. Имя этого выдающегося отечественного адвоката, увы, сейчас в юридических кругах широко не известно. Как и других представителей нового поколения, названного «молодой адвокатурой», которая в конце 19-начале 20 вв. пришла на смену «первому призыву» присяжных поверенных. Прославилась и осталась в истории «молодая адвокатура» почти исключительно своим участием в политических процессах. Собственно, тогда и появилось само понятие

Муравьев Н.К.

Присяжная адвокатура

1866–1917

«политический защитник» – именно так стали именовать себя «молодые адвокаты». И тому были веские причины. «Времена не выбирают. В них живут и умирают» (А. Кушнер). Политические процессы в России проходили и раньше – в 70-е гг. на них блистали корифеи – «первопризывники» во главе с «королём адвокатуры» Владимиром Спасовичем. Но в тот период эти суды, хотя и в силу своей природы привлекали публичный интерес, были немногочисленны, представляли вкрапления в массив общеуголовных дел о преступлениях против личности, собственности, интересов службы и др. На подходе к 20-му столетию ситуация в России стала стремительно меняться. Контрреформы Александра III, придавив усилением бюрократизма и полицейщины революционное движение, вместе с тем «заморозили» накопившиеся социальные противоречия и похоронили надежды на экономический прогресс и построение гражданского общества. На страну обрушилась волна массовых рабоче-крестьянских волнений и беспорядков, вооруженных восстаний, антиправительственной пропаганды, террористических актов и экспроприаций (эксов) членов народившихся нелегальных политических партий и групп-эсеров, социал-демократов, анархистов, «освобожденцев» (будущих кадетов).

Общество выдало запрос на политическую защиту как особое устойчивое направление адвокатской деятельности. Удовлетворить его корифеи первого призыва не могли – большинство либо умерли, либо, за редким исключением, перестали активно практиковать. Вызов приняло новое поколение присяжных поверенных. Муравьев стал одним из инициаторов и лидеров «молодой адвокатуры». Вместе со своими коллегами и единомышленниками В.А. Маклаковым, П.Н. Малянтовичем, Н.В. Тесленко, М. Ф. Ходасевичем он вскоре после зачисления помощником присяжного поверенного в 1896 г. создал первый и самый авторитетный кружок политической защиты. И объездил в качестве адвоката по политическим и уголовным с политическим подтекстом делам всю Россию.

Привлекает нравственный облик Муравьева. Широкий демократизм. Кристальная порядочность. Безупречная честность. Обостренное чувство справедливости. Эти качества сделали его популярным в передовых кругах русского общества. «Парень-ясный», - отзывался о нём в 1901 г. А.М. Горький. С ним и В.Г. Короленко Муравьев десятилетиями поддерживал деловые связи. Особенно сблизился Николай Константинович с Львом Толстым. Именно ему поручил великий писатель составить духовное завещание, согласно которому всё написанное Толстым объявлялось «ничьей частной собственностью»,

Муравьев Н.К.

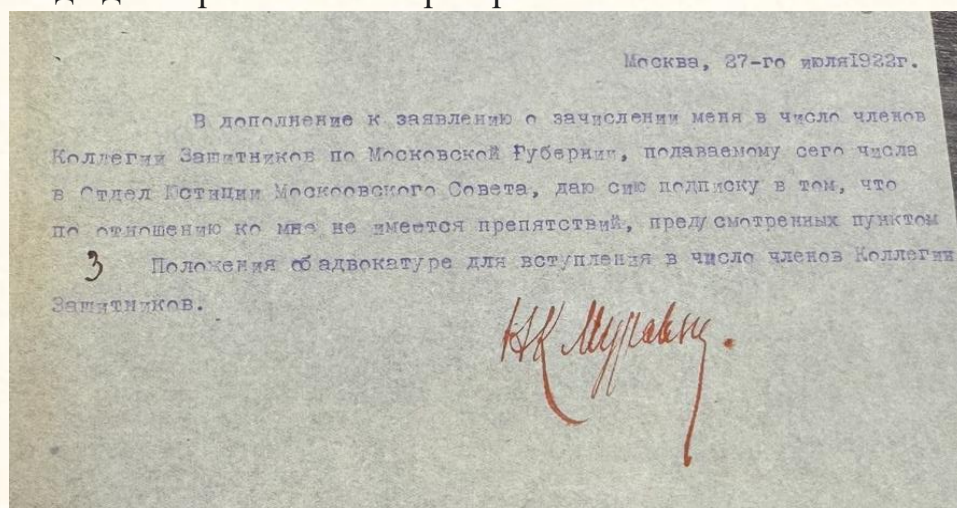
Присяжная адвокатура

1866–1917

предоставляющей право безвозмездного перепечатывания его произведений всем людям, в какой бы стране они ни жили, как это делалось при его жизни.

Революционное брожение наложило свою печать на выступления защитников в политических процессах. Во все слои общества пришло ясное осознание: самодержавие изжило себя, стране необходимы перемены. Идеи социал-демократии обретали массовую поддержку. Проникались ими и сами молодые адвокаты. Их судебные речи в отличие от предшественников-либералов, «детей Судебной реформы 1864 г.» (А.Ф. Кони), приверженных постепенному, эволюционному преобразованию царизма в правовое государство, содержали резкую критику социальных условий и государственного управления, достигавшую нередко полной идейной солидарности с подзащитными.

Большевики, как известно, профессиональную адвокатуру не жаловали и, придя к власти, поначалу вообще собирались без неё обойтись. Потому при редких упоминаниях в советской печати о присяжных адвокатах в заслугу им ставилась исключительно антиправительственная риторика. Такие суждения – особенно в отношении «молодой адвокатуры» – после долгого периода полного забвения – преобладали в специальной литературе и публицистике при коммуно-советской власти вплоть до демократической перестройки.

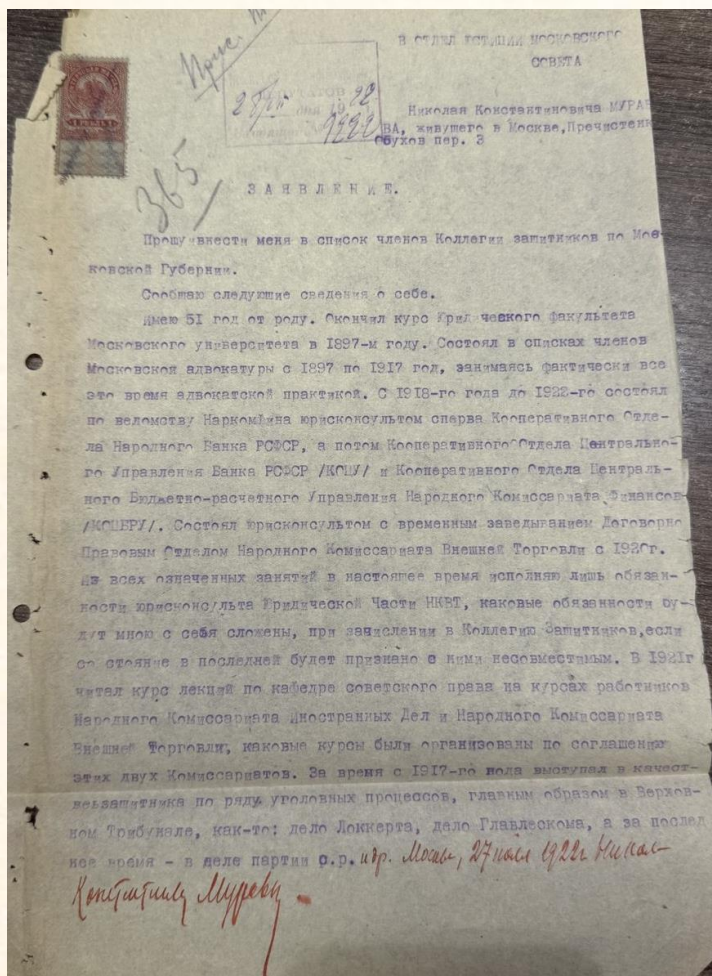
Здесь и далее в разделе, посвященном Муравьеву Н.К., приведены документы из его личного дела адвоката.

Муравьев Н.К.

Присяжная адвокатура

1866–1917

Время способно менять оценки исторических явлений и деятелей, иначе расставлять акценты в памяти о них. Защита революционеров, конечно, требовала больших смелости и мужества. Адресатом выступлений адвокатов на политических процессах был не только суд, но также всё общество. И противостоя обвинению, Муравьёв не избегал хлестких обличений произвола царской администрации, - как он выразился на одном из судебных процессов, «отвратительного царства самоуправства и беззакония». Но успехи защиты в политических делах — как и любых других — ковался профессиональной адвокатской работой, выявлением нарушений материального и процессуального закона, опровержением обвинительных доказательств. А они, эти успехи, были —

нередко подсудимые оправдывались либо наказанием существенно смягчалось. Здесь вклад Муравьёва в торжество защиты был наиболее весом — его коллеги отмечали, что когда защита проводилась коллективно (каждый адвокат в групповом деле защищал каждого из подсудимых), Николай Константинович брал на себя самую трудную, хотя и наименее эффектную часть общей задачи — доказывать юридическую несостоятельность обвинения.

Вся жизнь Муравьёва — образец верности профессии адвоката, праву, как высокой самостоятельной общечеловеческой ценности, а не служанке политики. С полным основанием он мог подписаться под словами гранда французской адвокатуры Жюль Фавра: «Мы стоим столько, сколько

стоит право, которое мы защищаем».

Муравьев Н.К.

Присяжная адвокатура

1866–1917

Совместима ли адвокатская деятельность с политической? Вопрос этот остро встал для отечественных адвокатов с начала 20 века, по мере того как в стране стали создаваться массовые политические партии. И адвокаты вступали практически во все: конституционно- демократическую, октябристов, эсеров, трудовиков, социал- демократов; нашлись даже пополнившие ряды черносотенцев.

Муравьёв принципиально отказывался вступать в какую-либо политическую партию, считая, как и большинство выдающихся адвокатов, что партийная принадлежность способна ограничить независимое исполнение профессионального долга. Он не изменил вековой максиме – «адвокат должен быть вне политики» – и даже тогда, когда был избран в Государственную думу, не связывал себя обязательствами ни с какой фракцией. А поскольку идейные позиции Муравьёва были широко известны, его так и называли: «внефракционный социал-демократ».

Партийная независимость содействовала широте адвокатской деятельности Николая Константиновича. Он интенсивно практиковал вплоть до Февральской революции 1917 года. В политических процессах его подзащитными были

социал-демократы, эсеры, большевики, меньшевики, рабочие крестьяне, матросы; защищал он в 1914 г. преданных суду адвокатов. Подсчитано, что с участием Муравьёва при царском режиме было проведено 117 политических, религиозных и литературных процессов, при, по его словам, «значительном количестве мелких дел». Присяжная адвокатура в массе своей поддержала Февральскую революцию. В период недолгого пребывания у власти Временного правительства за счёт адвокатов существенно обновился государственный аппарат – все пять министров юстиции, один из которых затем возглавил правительство; четверо из 22 членов первого департамента и двое из девяти членов второго департамента Правительствующего Сената; адвокаты приходили на место своих процессуальных противников, занимали должности судей и прокуроров.

Моя Коллегия Защитников
Николай Константинович
МУРАВЬЁВ.
МОСК. В. ПРЕЗИДИУМ КОЛЛЕГИИ ЗАЩИТНИКОВ
Тел. № 5-49-23.

Москва 16 ноября

Прошу принять отчисления в Коллегию по нижеследующему расчёту:

Июнь	Гонорар за ведение дел - 500 руб. отчисл. 5% - 25 р.	
	Малованье по службе юрисконс. 500 р. " " - 5 р.	
	35% надбавки 30 р.	
	Всего 10 р. 50к.	
		40 р. 50к.
Июль	Гонорар за ведение дел - 300 руб. отчисл. 3% - 9р.	
	Малованье - 500 руб. " " - 5р.	
	35% надбавки 14р.	
	Всего 4р. 90к.	
		18р. 90к.
Август	Гонорар за ведение дел - 200 руб. отчисл. 2% - 4р.	
	Малованье - 500 руб. " " - 5р.	
	35% надбавки 9р.	
	Всего 3р. 15к.	
		12р. 15к.
Сентябрь	Гонорар за ведение дел - 500 руб. отчисл. 5% - 25р.	
	Малованье - 500 руб. " " - 5р.	
	35% надбавки 30р.	
	Всего 10р. 50к.	
		40р. 50к.
	Всего сто двенадцать руб. 05 коп.	112р. 05к.

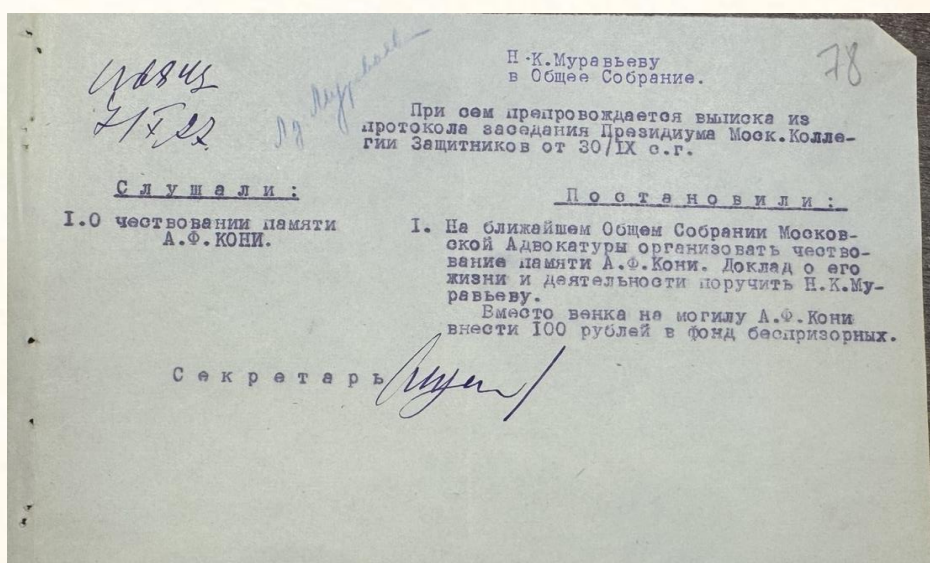
11/11/17

Присяжная адвокатура

1866–1917

Муравьёв и здесь остался верен себе. Он не пошёл на постоянную государственную службу, приняв предложение возглавить Чрезвычайную следственную комиссию для расследования противозаконных действий царских сановников. В состав комиссии вошли ещё трое известных адвокатов, академики С.Ф. Ольденбург и Е.В. Тарле, историк и пушкинист П.Е. Щеголев и другие. Главным редактором стенографического отчёта о делах комиссии был назначен поэт А.А. Блок. Комиссия занялась в том числе расследованием роли государственной власти в создании антисемитского дела Бейлиса. А.Ф. Керенский, сам осуждавшийся за публичный протест против его фабрикации, негодовал в отношении царской юстиции, мрачно пошутив: «В прошлые времена трепетали перед Муравьёвым-Вешателем. Пусть же теперь и наш Муравьёв нагонит трепета». Но Николай Константинович сразу поставил следствие на твёрдую правовую почву. Воссоздав широкую картину явно предосудительного поведения правительственных чиновников разных рангов, Комиссия ограничилась предъявлением обвинений в тех действиях, которые носили характер прямого нарушения законов. К ним относились: установление секретного наблюдения за присяжными заседателями; воспрепятствование вызову в суд свидетелей защиты; перлюстрация касавшейся дела корреспонденции; субсидирование из казны частных обвинителей, навязывавших суду антисемитскую версию преступления.

Через три месяца, в июне 1917 г., Муравьёв выступил с отчётом о работе Комиссии на 1 Всероссийском съезде Советов, где предостерег новую власть от самосудов над бывшими царскими чиновниками: «Мы должны позаботиться о том, чтобы их мудро судили и мудро обвиняли, если их вина подтвердится». Мудрый и вообще суд не состоялся. В ноябре 1917 г. Советская власть упразднила ЧСК, а чуть позже,

Муравьев Н.К.

Присяжная адвокатура

1866–1917

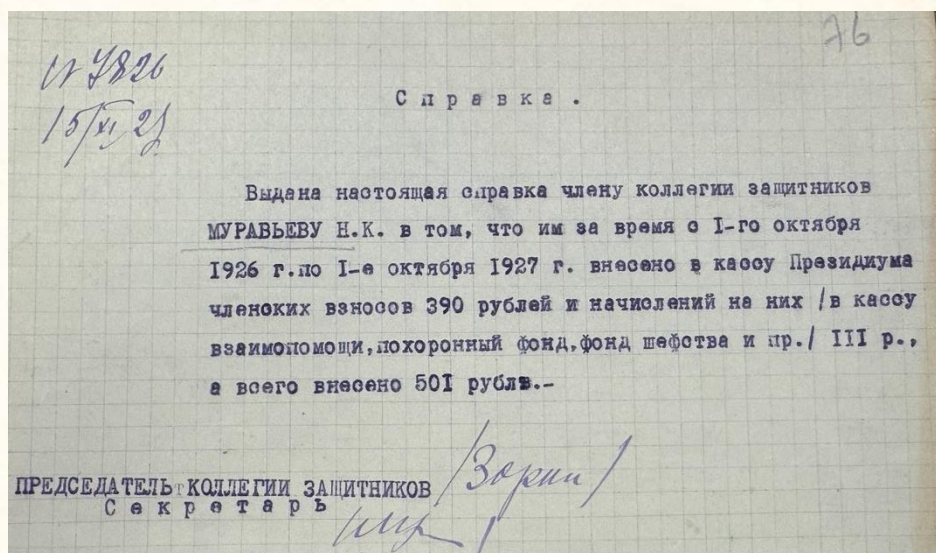
объявив красный террор, не мудрствуя лукаво, взятых в заложники министров царского правительства расстреляла.

В 1922 году Муравьёв принял деятельное участие в работе инициативной группы по восстановлению института профессиональной адвокатуры, упразднённой Декретом о суде № 1 от 24 ноября (7 декабря 1917 г.). «Положение о коллегии защитников», после ожесточённых политических дебатов, в главном не отступило от модели организации адвокатуры на принципах независимости от государства, корпоративности и самоуправления. Сами названия «Коллегия защитников» и «Президиум коллегии защитников» были предложены Муравьёвым.

Высокие профессиональные и моральные качества Николая Константиновича в полной мере проявились на судебном процессе правых эсеров (8 июня–7 августа 1922 г.). Большевики решили расправиться со своими политическими противниками и предали суду Верховного революционного трибунала при ВЦИК РСФСР наиболее видных членов партии социалистов-революционеров.

Муравьёв не убоился возглавить коллективную защиту основных подсудимых. На данном деле впервые отрабатывались приёмы пропагандистского сопровождения политических процессов

— клеймящие публикации в прессе; собрания, митинги и демонстрации, разжигавшие ярость масс. Когда в зал судебных заседаний вошла «делегация трудящихся» с требованием расстрела «врагов народа», Муравьёв заявил о невозможности продолжения слушания дела в связи с грубейшими нарушениями процессуальных норм и вместе с другими защитниками покинул процесс со словами: «Горе той стране, горе тому народу, которые с неуважением относятся к закону!» За этот демарш сразу же по окончании суда был арестован и выслан в Казань. Но вскоре

Муравьёв Н.К.

Присяжная адвокатура

1866–1917

возвращён в столицу со снятием всех обвинений – слишком велик был юридический и общественный авторитет Муравьёва, да и свежа ещё память о защите в царских судах Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова, М.П. Томского – на тот момент руководителей Советского государства.

В 1924 году Николай Константинович был избран в Президиум Московской коллегии адвокатов и ушёл из адвокатуры в 1929 году, когда государство стало подминать автономную корпорацию под себя, взяв курс на её полную коллективизацию, вводя запрет на частную практику и проводя широкомасштабные чистки адвокатских рядов. Муравьёв принимал активное участие в правозащитной деятельности. Вместе с В.Н. Фигнер и Е.П. Пешковой (первой женой А.М. Горького) он возглавлял Политический Красный Крест, просуществовавший с января 1917 г. по сентябрь 1922 года ПКК считал своим долгом помогать всем политическим узникам, независимо от их партийной принадлежности, - левым и правым, «красным» и «белым». Установлено, что в 1919 году 17 членов ПКК (Н.К. Муравьёв, Е.П. Пешкова, В.А. Жданов и др.) обошли с просьбами о смягчении расстрельных приговоров 12 советских учреждений (Президиум ЦИК, СНК, ВЧК, Верховный трибунал и др.), обратившись при этом к 46 «вождям»: В.И. Ленину, И.В. Сталину, Ф.Э. Дзержинскому, А.И. Рыжкову и др. В последние годы жизни Муравьёв сосредоточился на работе в секции старых политзащитников Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев (группа активистов бывшей «молодой адвокатуры» теперь называлась «Бригада старой политической защиты»). Он участвовал в обсуждении докладов о политических процессах царского времени, сам выступал с такими докладами, побуждал коллег, старых политзащитников писать и собирать воспоминания о прошлом, «пока не вымрут последние из нас». Когда же с кем-либо из них случалась беда, Муравьёв самоотверженно вступался за них. Так, в 1931 году он добился освобождения из-под ареста (по обвинению в бывшей принадлежности к меньшевикам) П.Н. Малянтовича, а в 1935 году вызволил из тюрьмы одного из защитников лейтенанта Шмидта А.М. Александрова.

Николай Константинович Муравьёв скончался 31 декабря 1936 года и похоронен на Новодевичьем кладбище. На гражданской панихиде о нём было сказано: «Никто никогда не уходил от него с неперевязанной раной».

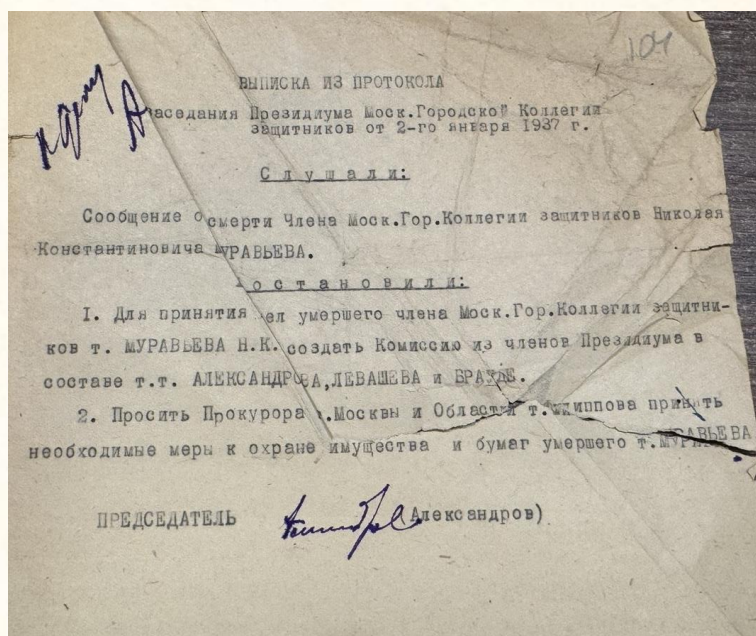
Муравьев Н.К.

Присяжная адвокатура

1866–1917

Смерть, скорее всего, спасла Муравьёва от горькой участи товарищей по «молодой адвокатуре» П.Н. Малянтовича, Б.Г. Лопатина-Барта, М.Л. Мандельштама, А.С. Тагера, которые были расстреляны или замучены в тюрьме НКВД. Но, как бы то ни было, сталинский террор не пощадил семью Муравьёва. Его жена, обе дочери и оба зятя, были арестованы и прошли через ГУЛАГ, а двое внуков и внучка отправлены в детские дома.

В 2004 году усилиями внуки Муравьёва Т.А. Угримовой и его внука А.Г. Волкова был издан сборник материалов о нём «Стой в завете своём». Андрей Гаврилович Волков связался с нашей палатой. Я побывал у него в гостях, он выступил в 2005 году на конференции ФПА «Адвокатура. Государство. Общество». Мы продолжали общаться, он живо интересовался проблемами адвокатуры. Этот чудесный человек, выдающийся учёный-демограф ушёл из жизни в 2009 г.

У отечественной и в данном случае московской адвокатуры уже немалая, в полтора века, история. И нашими выдающимися предшественниками в неё вписаны славные страницы.

Будем помнить.

Муравьев Н.К.

Присяжная адвокатура

1866–1917

Маклаков Василий Алексеевич

родился 10 мая 1869 года в Москве в семье врача.

В 1887 окончил 5-ю Московскую гимназию с серебряной медалью. Поступил на физико-математический факультет Московского университета, где учился с 1887 по 1890 годы. В 1890 году за участие в студенческой сходке был арестован и исключён из университета как политически неблагонадёжный. Позднее был восстановлен на историко-филологическом факультете, который окончил в 1894 году.

В 1896 году экстерном окончил юридический факультет Московского университета, сдав экзамены после трёхмесячной подготовки. В том же году вступил в адвокатуру, начав практику как помощник присяжного поверенного Ледницкого А.Р. С 1901 года — присяжный поверенный округа Московской судебной палаты.

В книге Георгия Адамовича «Василий Алексеевич Маклаков. Политик, юрист, человек», вышедшей в Париже в 1959 году, по поводу выбора героя нашего повествования говорится, что он решил стать адвокатом неожиданно для всех, а может быть больше всего для самого себя. Это решение стать адвокатом он объясняет не только необходимостью заработка, но и соображениями иного, более высокого порядка. Путь был выбран окончательно, юристом Маклаков остался и по профессии, и по складу своего мышления до конца дней. Не берусь судить, — говорит автор — насколько твердо и прочно усвоил он самые знания, насколько далеко проник во все сложнейшие разветвления юридической науки за тот короткий срок, который дал себе для получения диплома, — но, пожалуй, именно эта безостановочная, почти что истощенная работа над курсами по различным отраслям права, это вынужденное общение с “духом юриспруденции”, без всяких иных впечатлений, без чего бы то ни было, могущего отвлечь в сторону, именно это-то и сформировало ум Маклакова, каким знали мы его уже много позднее. Понятие права впервые предстало ему тогда в ореоле основного принципа всей его будущей деятельности, и хотя пришлось этому понятию пройти в его сознании

Маклаков В.А.

Присяжная адвокатура

1866–1917

через многие сомнения и испытания, — в частности, под воздействием Толстого, — не отрекся он от него никогда.

Сам Маклаков в своих «Воспоминаниях» объяснял: *“Мой короткий жизненный опыт открыл мне, что главным злом русской жизни является безнаказанное господство в ней произвола, беззащитность человека против усмотрения власти, отсутствие правовых оснований для защиты себя. Недаром, по шутливому выражению М. П. Щепкина — “ссылка на закон в глазах нашей власти есть первый признак неблагонадежности”, хотя наш Свод Законов и утверждал, что Россия управляется на твердом основании законов, хотя и была судебная власть, которая законы должна защищать и учреждения, которые в этом должны были ей помочь. Защита человека против беззакония, иначе говоря защита самого закона и была содержанием общественного служения адвокатуры, держанием общественного служения адвокатуры. Свою задачу она должна была ставить именно так. <...> У адвоката есть одно “дело”, которое по обстоятельствам только принимает различные конкретные формы, но во всех случаях он защищает законность. Закон может быть несправедлив — это правда. Долг адвоката это показать, но не в его власти это изменить. Да и суд не может излагать своей воли. Он может только объявить, что фактически есть и чего требует закон. Суд толкует законы, но он не может их так толковать, чтобы они противоречили праву. Право же есть норма, основанная на принципах одинакового порядка для всех. В торжестве “права” над “волей” сущность прогресса. В служении этому — назначение адвокатуры”.*

Маклаков В.А. приобрёл известность как судебный оратор, участвуя во многих известных процессах своего времени.

Одним из направлений его адвокатской работы были дела, связанные с религиозными конфликтами. Так, Василий Алексеевич по просьбе писателя Льва Толстого провёл своё первое значительное судебное дело, защищая «сектанта», обвинявшегося в «расколе и кощунстве». Сектант был осужден, но Маклаков обратился с жалобой в Сенат, где «Прокурор Бобринцев - Пушкин <...> от бессмысленного обвинения в “совращении в раскол” отказался, но настаивал на оскорбительных выражениях по адресу Православной Церкви, которую подсудимый будто бы назвал “овощным хранилищем”. Подсудимый, услышав это, усмехнулся, перелистал лежащую перед ним толстую богослужебную книгу и протянул ее Маклакову. В книге этой, утвержденной и одобренной Синодом, православная церковь именовалась именно так: “овощное хранилище”. Эффект

Присяжная адвокатура

1866–1917

получился полный, сенаторы с трудом сдерживали улыбки и подсудимый был оправдан».

Маклаков В.А. защищал также «толстовца» Фельтена И.Е., обвинённого в хранении запрещённых произведений Толстого Л.Н. Выступал защитником на ряде вероисповедных процессов, в том числе в деле «сектантов-бегунов», обвинявшихся в ритуальном убийстве, которые были оправданы. Представлял интересы «павловских сектантов», обвинённых в погроме православной церкви.

В 1913 году был одним из защитников Менахема-Менделя Бейлиса на процессе по делу о ритуальном убийстве, которое завершилось оправданием подсудимого. На суде, кроме Маклакова В.А., выступали в числе защитников и иные знаменитые присяжные поверенные, однако, по единодушному мнению присутствовавших на процессе, именно речь Маклакова оказалась центральной и имела решающее значение.

Владимир Бонч-Бруевич в специально посвященной процессу Бейлиса книге «Знамение времени. Впечатления киевского процесса» (Москва, 1921) так написал об увиденном: *«Если речь старого льва адвокатуры Карабчевского была широка, художественна по своим приемам построения, но несомненно трудна для состава присяжных этой сессии киевского окружного суда, если речь Грузенберга напомнила мне плач и рыдание, печаль народа, всеми попираемого; если она, как и пространная речь - реплика Григоровича-Барского, подробно разбирала все улики, все мелкие штрихи, выяснившиеся во время процесса <...>; если вдохновенное, почти пророческое слово глубоко верующего защитника Зарудного блестяще разбивало все укрепления г.г. прокурора, гражданских истцов и распутывала все хитросплетения <...> в области кровавого навета и ритуала жертвоприношения, то страстная, воистину элегантная по форме, глубокая по содержанию и анализу речь и реплика В.А. Маклакова вознесли весь этот процесс, всю защиту на ту политическую высоту, с вершины которой сразу стал видным тот общественный кошмар, тот яд и ужас, произвол и насилие, которые так ярко демонстрировались в этом процессе. И это вознесение процесса на политическую высоту, возможную в рамках судебного разбирательства, - несомненная заслуга перед Россией В.А. Маклакова».*

Не случайно в адресованном Василию Алексеевичу послании от духовного правления Главной хоральной синагоги в Ростове-на-Дону говорилось: *«Дело Бейлиса, которое Вы так геройски защищали, — это дело всего мыслящего человечества. Вы были наиболее ярким, наиболее могучим выразителем лучшего и*

Маклаков В.А.

Присяжная адвокатура

1866–1917

наиблагороднейшего, что есть в этом человечестве, что вылилось так сильно, так стихийно, так величественно-прекрасно в Вашей талантливой защите».

Маклаков В.А. активно участвовал и в политических процессах. Он вступил в кружок молодых московских адвокатов, организовывавших бесплатные юридические консультации для неимущих и защиты на политических процессах. Защищал обвиняемых по делу о забастовке на фабрике Нечаева-Мальцева в Гусе и по делу о беспорядках на фабрике Викулы Морозова в Москве.

В 1907 был одним из защитников на процессе депутатов I-й Государственной думы, обвиненных в подписании Выборгского воззвания с призывом к гражданскому неповиновению. Маклаков произнес на Выборгском процессе речь, которая и на судей, и на самих обвиняемых произвела неизгладимое впечатление своей аргументацией и убедительностью. Завершая свое выступление, Маклаков В.А. заявил: *«Беда страны не в дурных законах, а в том, что беззаконие может твориться у нас безнаказанно. Какие бы хорошие законы ни были изданы, как бы ни был хорош законодательный аппарат, который теперь установлен, но если законы охранять будет некому, то от них не будет блага России. А охрана от всякого нарушения и сверху, и снизу есть задача суда. Им могут быть за то недовольны, его могут втягивать в борьбу политических партий, могут грозить его несменяемости, но пока суд стоит на стороне закона, до тех пор живет государство».*

Его авторитетный коллега Винавер М.М. по завершении речи Маклакова оставил свое место в зале заседания и заключил Василия Алексеевича в объятия. Председатель Судебной Палаты Крашенинников признался, что потрясен выступлением Маклакова и ушел из зала, забыв объявить о закрытии заседания. Один из выдающихся судебных ораторов того времени присяжный поверенный Мандельштам М.Л. много позже в своих воспоминаниях писал, что лучшей судебной речи за свою жизнь не слышал никогда.

В том же 1907 году Маклаков В.А. вместе с Муравьевым Н.К. защищал адвоката, революционера Жданова В.А.⁵, обвинявшегося в похищении для партийных нужд денег у секретаря Московского сельскохозяйственного института Реша. Защитники в первой инстанции добились оправдательного приговора в

⁵ Рассказ о Жданове В.А. включен в следующий раздел настоящего проекта.

Присяжная адвокатура

1866–1917

военно-окружном суде в Москве, который затем был отменен в кассационном порядке.

Насколько высок в среде юристов был авторитет Маклакова, можно судить по письму Кони А.Ф. в адрес ученого-правоведа Чичерина Б.Н., датированному 12 февраля 1899 года. Касаясь одного из дел, о котором Чичерин проявил обеспокоенность, Кони пишет: «Маклаков серьезный и сердечный защитник. Пожалуй, он был бы уместнее Плевако...».

С высоты своего юридического опыта, Маклаков В.А., уже находясь в эмиграции, оставил интересные, хотя и небесспорные рассуждения о видении им сущности и задач адвокатуры: *«...Если вдуматься в условия адвокатской профессии, то нельзя не признать, что она ставит человеческий ум в положение, противное его назначению. Все мы мыслим и должны мыслить от фактов к выводу; умение читать факты, находить в них правду — это и есть задача ума. В адвокатской профессии — наоборот: вывод дан заранее, к нему человек идет не от фактов, он привносится в дело. Вывод готов, и уже факты подгоняются к выводу. В адвокате вырабатывается умение найти в фактах то, что нужно найти; находить положительную сторону там, где ищут ее, и черные пятна там, где их ожидают. Вырабатывается умение не только находить то, что ищут, но не видеть того, что не хотят видеть. <...> У адвоката ищут защиты, просят защитить определенную сторону, найти все то, что говорит в ее пользу. И если в некоторых исключительных случаях он признает ту или иную позицию незащитимой и от дела отказывается, то это исключение; нормальная работа адвоката в том и заключается, что, принимая дело, он принимает на себя обязанность глядеть на него предвзято, и все его искусство в том, чтобы отстоять эту предвзятую мысль. Оттого-то в адвокате развивается усиленная способность аргументации и исчезает способность убеждения. Адвокаты — люди беспринципные. Я говорю это не в дурном смысле, которым клеймят человека, который изменяет свои убеждения. У адвоката просто их нет; он хорошо понимает, что во всем две стороны, что обо всем можно спорить. В нем развивается только искусство спорить, обнаруживать то, что другие не видят. Истин и положений бесспорных для него почти не существует. Посмотрите на адвоката на консультации: там, где нужно ему сказать свое убеждение, он беспомощен, он теряется. Он хорошо знает, что все можно двояко решить. И только, когда ему скажут, чего от него ждут, что желательно, тогда он оживляется и становится на твердую почву. Это — свойство адвокатуры, в*

Присяжная адвокатура

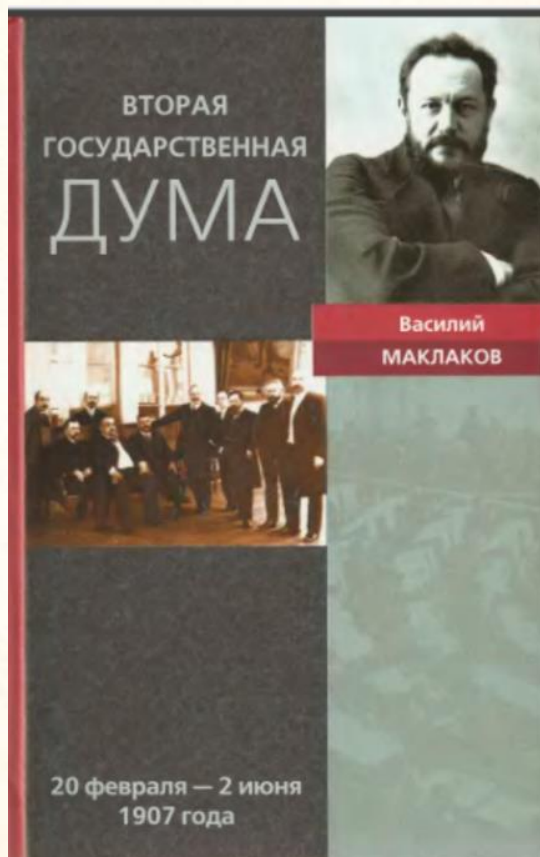
1866–1917

котором не адвокаты повинны, а самая их профессия, оно является типичной профессиональной болезнью”.

Если продолжить разговор о том, как Маклаков В.А. относился к своей работе и какое впечатление он оставлял речами, произносимыми на процессах, то его современники отмечали следующее: *«Если в речах его можно обнаружить какой-нибудь пафос, то именно пафос права и законности. Он не выносил так называемых “цветов красноречия”, избегал риторики. Пафос его не нуждался в сколько-нибудь напыщенном словесном облици, в эффектных фразах. Он говорил с той совершенной простотой, которая заставляла предполагать, что слова находил он одновременно с мыслью, как естественное ее выражение. И едва только оказывался затронутым принцип права и законности, все чувствовали, что защищает он не столько дело очередного клиента, сколько нечто общее, по его убеждению всем нужное, без чего суд превращается в преступную бессмыслицу. Прокурор в его представлении не должен быть ни врагом обвиняемого, ни противником защиты: роль прокурора — беспристрастно изложить в поисках истины те доводы, которые могут склонить решение судей в одну сторону, роль адвоката — найти и развить доводы противоположные. Только и всего. Оба служат одному и тому же делу — торжеству закона и правосудия».*

По-видимому, Маклакову В.А. было тесно в статусе адвоката, и он, человек большой энергии, высокообразованный и неравнодушный к происходящему в стране, увлекся политикой.

Во время революции 1905 года Маклаков сблизился с либеральным движением, выступавшим за введение в России конституционного строя и ограничение самодержавной власти. Участвовал в деятельности либеральных кружков московской интеллигенции и в работе оппозиционного объединения «Беседа», поддерживал «Союз освобождения». Был

Присяжная адвокатура

1866–1917

одним из основателей Конституционно-демократической партии в 1905 и членом ее Центрального комитета с 1906. Являлся сторонником конституционной монархии.

При этом Маклаков В.А. руководил школой адвокатов, созданной при кадетской партии.

Избирался от Москвы членом Государственной думы II, III и IV созывов, где активно выступал по многим вопросам; участвовал в работе комиссий по судебной реформе, печати и старообрядческому вопросу.

Широкую известность получила его речь 13 марта 1907 года против военно-полевых судов, введенных правительством Столыпина. В этом выступлении Маклаков критиковал чрезвычайные судебные меры как подрывающие основы законности и правового государства.

В последующие годы он активно выступал в Государственной Думе по самым разным аспектам внутренней политики, в том числе при обсуждении бюджетов министерств внутренних дел, юстиции и народного просвещения, по земельному вопросу. Современники отмечали его юридическую аргументацию и сдержанный стиль полемики.

Интересно отметить, что крупный фабрикант Динг И.Л., основавший первую в Москве макаронную фабрику, а также занимавшийся производством кондитерских изделий, любил заказывать для продвижения своей продукции изобразительную рекламу у профессиональных художников и иллюстраторов. Таким образом, для упаковки всякого рода сладостей в 1906 году была выпущена серия оберток к конфетам под названием «Дума» с изображением портретов целого ряда депутатов (Пуришкевича В.М., Гегечкори Е.П., Шингарева А.И., Пергамента О.Я., и целого ряда других). В их число попал и Маклаков В.А.

Маклаков В.А.

Присяжная адвокатура

1866–1917

После начала в 1914 году Первой мировой войны Маклаков участвовал в деятельности Всероссийского земского союза и в работе Красного Креста. Входил в состав оппозиционного Прогрессивного блока, выступавшего за создание правительства, пользующегося доверием Государственной думы. Во время Февральской революции был назначен комиссаром Временного комитета Государственной думы при Министерстве юстиции.

В марте 1917 года Маклаков возглавил Юридическое совещание при Временном правительстве. С мая того же года участвовал в работе Особого совещания по подготовке проекта закона о выборах в Учредительное собрание. 25 июня 1917 года по новому избирательному закону был избран в Московскую городскую думу по списку Конституционно-демократической партии. С августа 1917 года был членом Всероссийской комиссии по делам о выборах в Учредительное собрание.

Осенью 1917 года Временное правительство назначило Маклакова послом во Францию. Находясь там, Василий Алексеевич был избран депутатом Учредительного собрания, однако принять участие в его работе не смог.

После Октябрьской революции Маклаков остался во Франции, где стал одной из заметных фигур русской политической эмиграции. Он участвовал в деятельности Русского политического совещания, представлявшего интересы Белого движения за рубежом. В сентябре 1920 года посетил Крым, где встречался с главнокомандующим Русской армией бароном Врангелем.

До установления дипломатических отношений между СССР и Францией в 1924 году Маклаков фактически исполнял обязанности представителя бывшего российского посольства в Париже. После признания Советского Союза французским правительством он продолжал играть заметную роль в организации жизни русской эмиграции.

С 1924 года возглавлял Эмигрантский комитет, представлявший интересы русских эмигрантов во Франции и выдававший им удостоверения личности. Маклаков также участвовал в работе ряда эмигрантских организаций, в том числе Московского землячества в Париже и Комитета русских юристов за границей.

Во время Второй мировой войны занимал антифашистскую позицию, в связи с чем был арестован гестапо и несколько месяцев содержался в тюрьме. В феврале 1945 года Маклаков В.А. посетил советское посольство в Париже в составе

Маклаков В.А.

Присяжная адвокатура

1866–1917

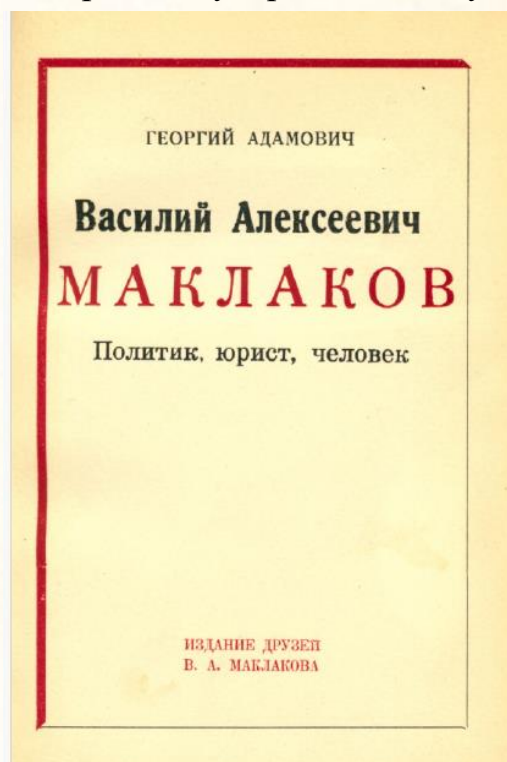
делегации русских эмигрантов и приветствовал борьбу Советского Союза против нацистской Германии.

Находясь в эмиграции, занимался литературной деятельностью, публиковал работы по истории российской общественно-политической жизни и мемуары. Его перу принадлежат такие обстоятельные работы как «Власть и общественность на закате старой России» (Париж, 1936, т.т. 1–3), «Первая Государственная дума. Воспоминания современника» (Париж, 1939), «Вторая Государственная дума. Воспоминания современника» (Париж, 1942), «Из воспоминаний» (Нью-Йорк, 1954).

Ряд своих публикаций Маклаков посвятил Льву Толстому – «Лев Николаевич Толстой как общественный деятель» (1912), «О Льве Толстом: две речи» (1929), «Толстой и большевизм» (1921).

Скончался Маклаков В.А. в Швейцарии 5 июля 1957 года в возрасте 87 лет.

В посвященной памяти Василия Алексеевича Маклакова уже упоминавшейся книге, изданной его друзьями в 1959 году, есть очень короткая и точная его характеристика: *«Маклаков был адвокатом и, по единодушному признанию знатоков, адвокатом блестящим. Блестящ он был впрочем во всем, за что бы он ни брался».*

Присяжная адвокатура

1866–1917

Русская пореформенная адвокатура знала разные таланты. Были златоусты, чьи речи сравнивали с музыкой, и искусные тактики, выигрывавшие безнадежные процессы. Но существовал и особый тип адвоката — ювелир гражданского права, для которого судебное дело было не сценой для самолюбования, а строгим чертежом, где каждая цифра, дата и запятая должны стоять на своем месте. К таким «ювелирам» принадлежал *Даниил Иосафатович Невядомский* — присяжный поверенный, казначей и хранитель традиций Московского совета, человек, чьими усилиями строилась безупречная репутация корпорации.

Даниил Невядомский родился во Владимирской губернии 11 декабря 1849 года, когда Судебная реформа ещё только брезжила в кабинетах Александра II. Он окончил юридический факультет Императорского Московского университета и в 1871 году, и в возрасте двадцати четырёх лет, вступил в сословие присяжных поверенных округа Московской судебной палаты.

Сначала был принят помощником присяжного поверенного к авторитетному адвокату Лохвицкому А.В. С 7 октября 1878 года стал практиковать самостоятельно как присяжный поверенный при Московской судебной палате.

Это было время становления адвокатуры, когда её членам приходилось делом доказывать, что «вольные защитники» — не прихлебатели при суде, а необходимая часть правосудия. Невядомский сразу зарекомендовал себя человеком системного ума и кристальной честности. Его не тянуло в уголовную драматургию; его стихией стали вексельные уставы, торговые обороты, наследственные сплетения и вопросы обычного права.

В эпоху бурного роста капитализма российская экономика задыхалась от правовой неразберихи. Вексельное право, регулировавшее основу торговли — кредит, было архаичным и запутанным. Даниил Иосафатович взялся за эту terra incognita как исследователь и практик. Он годами анализировал решения Сената, классифицировал судебные казусы, систематизировал разрозненные нормы.

Невядомский Д.И.

Присяжная адвокатура

1866–1917

Итогом этого колоссального труда стал «Сборник статей и заметок по вексельному праву», выдержавший несколько изданий. Книга Невядомского не блистала литературными красотами — это был суховатый, дотошный комментарий, но для судей, коллег-адвокатов и коммерсантов она стала настольной. Когда требовалось распутать сложный вексельный узел, к Невядомскому шли как к последней инстанции. Он не импровизировал, он знал.

Однако подлинная миссия Невядомского раскрылась не столько в ведении дел, сколько внутри самого адвокатского сословия. В Московском совете присяжных поверенных, этом штабе корпоративного самоуправления, он на протяжении многих лет исполнял обязанности казначея. Должность эта не давала ни славы, ни громких знакомств. Она требовала педантичности, аскетичной честности и готовности тратить личное время на проверку бесконечных смет и отчётов. В руках казначея находились средства сословия, благотворительный капитал для вдов и сирот коллег, стипендии для неимущих студентов-юристов. Невядомский распоряжался этим «общим кошельком» так же ревниво, как если бы это были его собственные сбережения. Современники вспоминают его молчаливую, жёсткую порядочность при каждом пересчёте.

Герой нашего рассказа в 1897 году был избран членом московского Совета присяжных поверенных, а в 1903 году стал председателем Совета. Однако проработал в этом качестве недолго, поскольку в январе 1906 года по болезни снял с себя обязанности председателя Совета и вышел из него.

Однажды Даниил Иосафатович вступил в страстную полемику с другим присяжным поверенным, публицистом и историком Джаншиевым Г.А., по сути защищая память своего учителя Лохвицкого А.В., о котором также рассказано в нашем проекте. Споря с Джаншиевым в брошюре «Вечные вопросы адвокатуры» (Москва, 1886) и вновь возвращаясь к вопросу о возможности и этичности ведения так называемых «неправых дел», Невядомский изложил свои очень правильные мысли и наблюдения, значительная часть которых актуальна до настоящего времени:

«Установить правильный взгляд на обязанности адвоката вообще и относительно выбора дел в особенности, является существенно необходимым не в одном только теоретическом интересе. Всякий присяжный поверенный, не по имени только, а действительно практикующий, знает по собственному опыту, что почти нет такого процесса, за который кто-нибудь так или иначе не упрекнул бы адвоката. Выиграл он дело – его бранит противная сторона, недовольная

Присяжная адвокатура

1866–1917

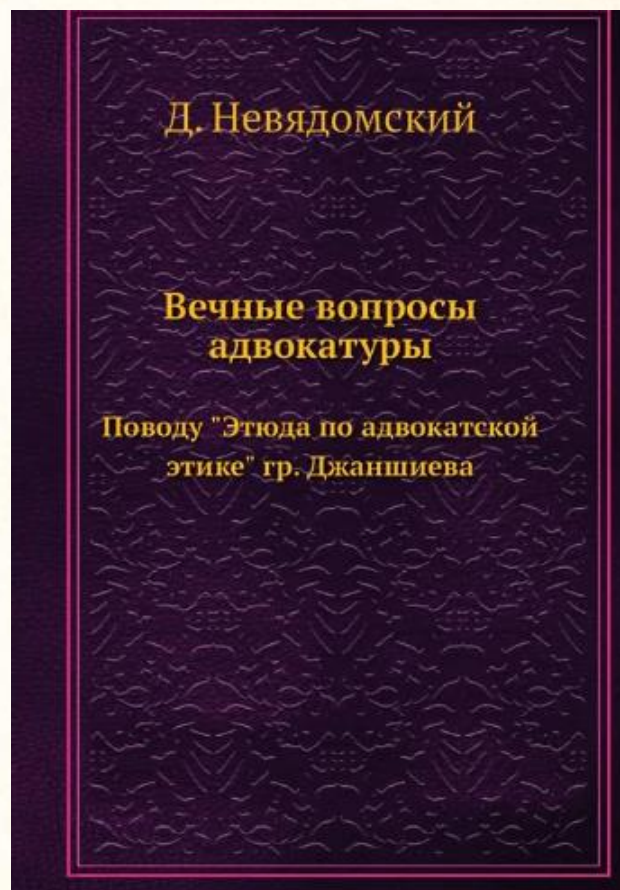
исходом процесса, всегда склонная, по слабости человеческой природы, видеть причину неудачи не в себе самой, не в собственных действиях, а в действиях противной для нее стороны; чувство неприязни к торжествующему врагу весьма часто переносится на представителя его, вся желчь изливается на него. Проиграл адвокат дело – положение его становится еще горше: неудовольствие идет уже с обеих сторон: собственный клиент делается часто еще яростнее в своих нападениях, а противная сторона уже прямо заявляет о недобросовестных посягательствах на ее освещенные судебным решением права.

... В таком по истине тяжелом положении не может находиться представитель какой-либо иной профессии, кроме адвокатуры. Единственным утешением для адвоката здесь может быть только собственное сознание его о том, что им честно и добросовестно исполнен его профессиональный долг, - если конечно он сделал для сего все от него зависящее, - и что затем всякое осуждение его – это суд толпы».

Здесь же Невядомский предостерегал органы корпоративного адвокатского самоуправления от избыточной активности: «... Совет должен обладать чувством меры в самой высокой его степени: никакие залезания в душу, никакие обыски в ней не мыслимы, ибо они одинаково в данном случае оскорбительны как для обыскиваемых,

так и для обыскивающих, и кроме того бесцельны, так как проникнуть в сокровенные тайники человеческой души не дано даже мудрецам: презумпция, что товарищ говорит правду, вообще довольно охотно допускаемая советами в других случаях, здесь должна иметь свое полное применение. Вот единственно-возможное пока решение самого главного вопроса адвокатской этики».

Вот как описывал Невядомского Д.И. один из его современников и коллег - член Московского Совета присяжных поверенных Ледницкий А.Р.: «Страстный,

Присяжная адвокатура

1866–1917

с мефистофельским видом и голубиной душой, в буквальном смысле этого слова горевший нуждами сословия, находивший удовлетворение своему литературному дарованию в составлении наших советских определений, столь нужных и скучных по своему существу, но под пером его оживавших, выдвигавших общие проблемы, обобщавших отдельные случаи в кодекс этики и морали».

Рассматривая в 1900 году жалобу на одного из присяжных поверенных, которого вызвал к себе и пытался допросить судебный следователь, Невядомский Д.И. сделал на Совете большой и обстоятельный доклад о необходимости строго хранить адвокатскую тайну. В результате все претензии к присяжному поверенному дисциплинарным судом были отвергнуты.

В ином случае, рассмотренном в 1903 году, Невядомский уже в статусе председателя московского Совета излагал коллегам обстоятельства распространения присяжным поверенным Р. некоего «циркуляра» среди соседствующих с ним торговцев с немного лишь завуалированной рекламой его юридических услуг. Разбирательство показало, что у Р. сложная ситуация с адвокатскими заработками, при этом у него больная жена и девять детей. При таких особо исключительных обстоятельствах дела, как было записано в решении Совета, судьи-товарищи не находят в себе нравственных сил для строгого наказания Р., поскольку «поднятый ими меч строгой дисциплинарной кары невольно выпадает у них из рук».

Стиль его адвокатской работы был под стать характеру. В суде Невядомский говорил тихо, без пафоса, его речи больше напоминали лекции профессора-правоведа. Он не давил на чувства присяжных, не искал аффекта у публики. Его оружием была логика, вооружённая неотразимым знанием закона и фактов. Он выходил на судебное поле, когда дело уже было выиграно в его кабинете — загодя подготовленными расчетами и ссылками на прецеденты. Один из коллег писал о нём: «Невядомский не защищает — он доказывает. И это доказательство несокрушимо».

Он принадлежал к той плеяде «стариков» московской адвокатуры, которые дожили до предгрозовых лет начала XX века, но не растеряли идеалов молодости. В частной жизни Даниил Иосафатович был сдержан, замкнут, избегал праздности. Его отдыхом была научная работа: статьи в «Вестнике права», «Журнале Министерства юстиции», «Юридической газете». Он участвовал в трудах Московского юридического общества, консультировал городские учреждения. Его кабинет был завален не романами, а кипами сенатских решений.

Присяжная адвокатура

1866–1917

Но и книги были увлечением Невядомского — он вступил в Русское Библиотечное Общество при Московском университете и был его активным членом. Об этом можно прочитать на страницах журнала «Библиографические известия» за 1924 года № 1-4 (см. ниже).

Д. И. Невядомский был Тов. Председателя Московского Совета Присяжных Поверенных, специальностью его были гражданские дела.

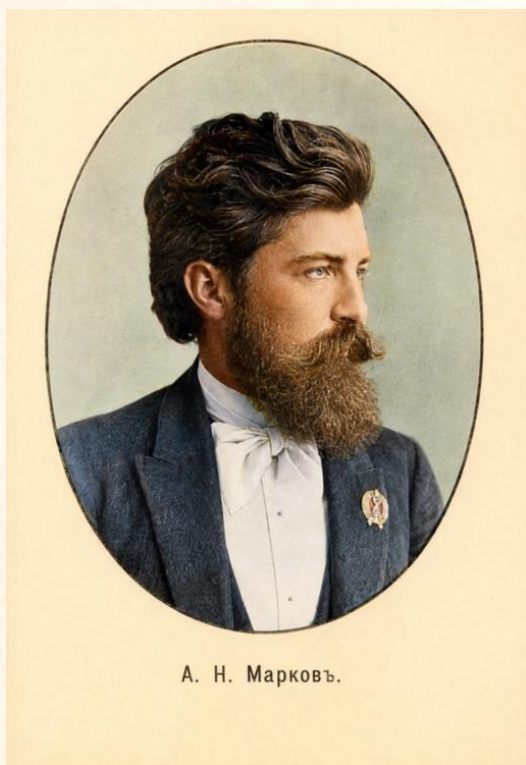
Однако, ни специальное образование ни профессия не заполнили окончательно его душу: какая-то неудовлетворенность, по его словам, властно тянула его в другие сферы. Так, он увлекся сначала историческими науками, а затем, когда сошелся с инициаторами Библиографического Общества, он еще больше увлекся библиографией. С той поры Д. И. стал одним из энергичнейших организаторов ставшего для него родным Библиографического Общества.

Даниил Иосафатович Невядомский скончался в 1913 году. Но и после его смерти те, кто трудился в судах, ещё долго находили на страницах его книг ясные ответы на самые запутанные вопросы. Его похоронили тихо, без пышных процессий, как он и жил.

В истории русской адвокатуры он остался не громовержцем, а зодчим, скреплявшим изнутри раствором честности и профессионализма всё здание сословия. Присяжный поверенный Невядомский — это напоминание о том, что правосудие держится не только на красноречии в зале суда, но и на скрупулёзном, почти черновом труде тех, для кого право — это не ремесло, а точная наука и нравственный долг.

Присяжная адвокатура

1866–1917

А. Н. Марковъ.

Александр Николаевич Марков

родился в 1859 году в Воронеже.

Окончил Каменец-Подольскую семинарию, а затем в 1886 году – Демидовский юридический лицей в Ярославле, который был приравнен к юридическому факультету университетов по составу преподаваемых предметов и по правам для выпускников.

Стал присяжным стряпчим при Московском коммерческом суде в июле 1887 года, а также помощником у московского присяжного поверенного Шубинского Н.П. – мецената и будущего депутата III и IV созывов Государственной Думы.

В 24-м Отчете московского Совета присяжных поверенных, сделанном 28 января 1890 года на годовом общем собрании присяжных поверенных, в разделе, посвященном библиотеке Совета, указано, что Марковым А.Н. пожертвован энциклопедический словарь Брокгауза в 16-ти томах.

Был принят в присяжные поверенные в 1891 году. В московской адвокатской корпорации активно занимался общественной работой – предложил создать вспомогательную кассу для помощи нуждающимся коллегам и этим вопросом занимался не один год. Касса предназначалась для сбора и распределения пенсионного, вспомогательного и похоронного капитала присяжных поверенных и их помощников.

Выступая на собрании 6 октября 1893 года, Марков А.Н. убедил своих коллег в необходимости установить обязательный единовременный взнос для временно-вспомогательной кассы, которая в дальнейшем московской адвокатурой стала именоваться «марковской». Марков А.Н. явился одним из авторов проекта создания такой временной кассы, который был утвержден 14 февраля 1894 года, и возглавил первый Комитет временной вспомогательной кассы.

По мнению Маркова А.Н., изложенному им на собрании присяжных поверенных 8 декабря 1893 года, цель кассы виделась в том, чтобы имущие

Марков А.Н.

Присяжная адвокатура

1866–1917

приходили на помощь неимущим и помогали в том размере, в каком кто пожелает. Благотворительный принцип, выводимый из сознания каждым своего долга, должен сделать кассу прочной.

Позже, рассказывая о достигнутых результатах на общем собрании 30 марта 1900 года, Александр Николаевич говорил: *«Не раз приходилось спасать товарищей от выселения из квартир накануне самого выселения, помогать выкупать из залога необходимую одежду, содержать больных, хоронить товарищей и в то же время поддерживать семью, попавшую в тяжелое положение, вследствие потери главы семейства»*. По мнению коллег, касса существовала благодаря энергии отдельных лиц, и в особенности, «несокрушимою терпению А.Н. Маркова».

В связи с тем, что не всем членам сословия нравились правила содержания обязательной кассы взаимопомощи, Маркову А.Н. нужно было отстаивать ее необходимость даже в судебном порядке, что имело место в 1909 - 1910 годах. Александр Николаевич, оправдывая учреждение кассы жизненными интересами и рассматривая ее существование с точки зрения достоинства адвокатуры, доводил до судебных инстанций свое мнение о том, что сословие правомочно устанавливать самообложение собственных нужд, а Совет компетентен издавать правила относительно внутренних распоряжков сословия.

Под влиянием своего патрона присяжного поверенного Шубинского Н.П. (1853-1921), который был инициатором перевода и издания в 1894 году в Москве книги известного французского мэтра Франсуа-Этьена Молло «Правила адвокатской профессии во Франции», Марков А.Н. постепенно глубоко увлекся изучением профессионально-этических проблем адвокатского сообщества. Напутствием для этого послужили слова Шубинского из его предисловия к указанной книге: *«Нам кажется, нужна ясная регламентация не только обязанностей адвоката, но и прав его. ...Нельзя мириться с положением, когда каждый шаг зависит от произвола и усмотрения. Давно чувствуется необходимость в чем-либо устойчивом, регулирующем деятельность сословного суда. Как ни высоки нравственные убеждения представителей его, но однообразие, последовательность и стойкую к чему-либо приверженность может дать лишь свод систематических правил»*.

После избрания в Совет присяжных поверенных, Марков А.Н. в период 1908-1913 годы очень часто докладывает дела, по которым поступали жалобы, и предлагает по ним решения. Как видно из дошедших до нашего времени

Присяжная адвокатура

1866–1917

документов, он был докладчиком по делам о некорректном отношении присяжных поверенных со своими товарищами, случаях выбора неправильных способов ведения дел, неуместных требований доверителя, и многих других непростых вопросов, возникавших перед молодой адвокатурой.

К примеру, Марков А.Н. излагал обстоятельства дела, состоявшего в том, что в Совет присяжных поверенных обратился градоначальник, сообщивший, что к нему на прием явился присяжный поверенный Г. с ходатайством о разрешении своему доверителю г-ну К. открыть «дом свиданий» мужчин с женщинами. По мнению градоначальника, принятие к своему производству подобного рода дел не совместимо с достоинством и честью почетного звания присяжных поверенных. Выслушав доклад Маркова А.Н. и ознакомившись с пояснениями присяжного поверенного Г., Совет объявил последнему строгий выговор, сочтя, что принятие ходатайства об открытии «дома свиданий» для присяжного поверенного является неприличным, унижительным и неприемлемым.

По мере накопления опыта в дисциплинарной практике и изучая наработки органов адвокатского самоуправления в других судебных округах, Марков А.Н. пришел к выводу о необходимости обобщения такой практики и создания единых правил поведения для присяжных поверенных.

Такую попытку пытались предпринять адвокаты Санкт-Петербурга, создав в 1882 году комиссию для составления свода общих правил и обычаев русской присяжной адвокатуры. Однако эта попытка была безуспешной: *«...Дальше выработки программы, разосланной другим советам и не встретившей отклика, дело не продвинулось. В разное время возникали такие же попытки и в других Советах, но везде они остались без всяких практических результатов»*⁶.

В этом направлении более всего продвинулся Московский Совет, издавший в 1891 году сборник материалов, приуроченный к 25-летию с момента создания адвокатуры в Москве. Один из разделов этого сборника под названием «Положения, извлеченные из определений Совета по дисциплинарным производствам» содержит 251 одну выдержку из решений Совета, хотя без какого-либо структурирования и с неоднократными повторами.

Очевидный пробел отсутствия систематизированных норм поведения адвокатов, основанных на скопившихся наработках органов корпорации и отчасти

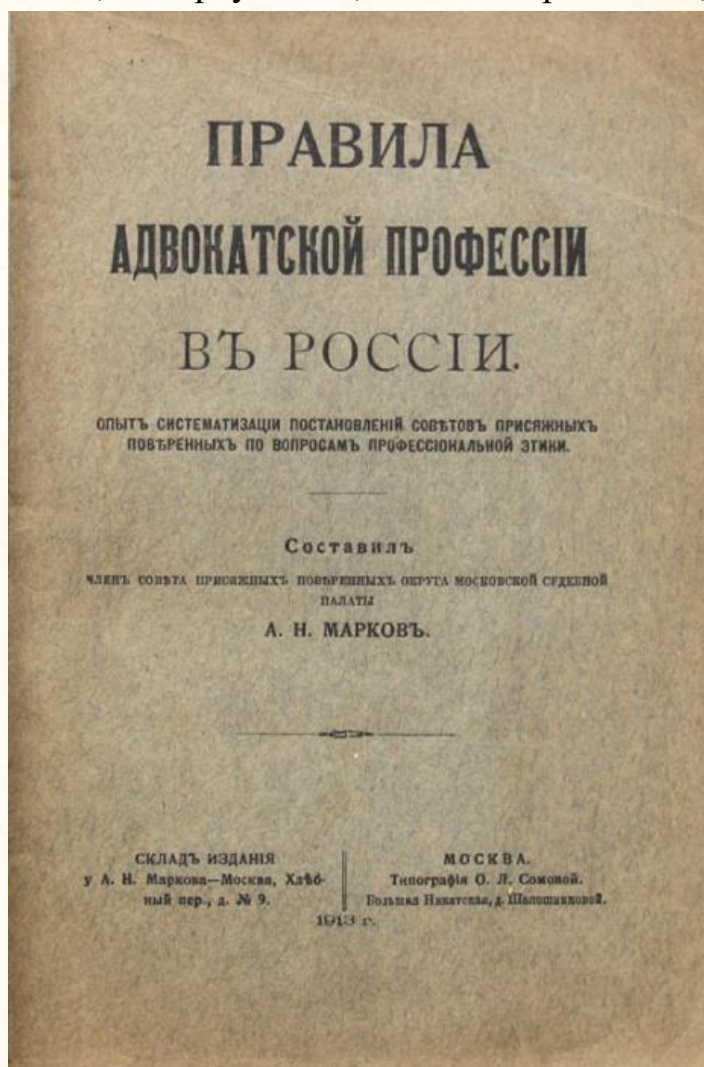
⁶ Гессен И.В. История русской адвокатуры. Том первый. 1914. С. XXII.

Присяжная адвокатура

1866–1917

– судебной практики, касающейся дисциплинарных вопросов, взялся устранить Александр Николаевич, подготовивший и опубликовавший в 1913 году свой фундаментальный труд под названием «Правила адвокатской профессии в России. Опыт систематизации постановлений Советов присяжных поверенных по вопросам профессиональной этики». Здесь были предметно структурированы и размещены выдержки и резолюции из решений Петербургского, Московского, Харьковского, Казанского, Одесского, Иркутского, Новочеркасского, Саратовского советов присяжных поверенных. Они посвящены проблемам сохранения адвокатской тайны, гонорарным вопросам, компетенции дисциплинарных судов, взаимоотношениям присяжных поверенных с доверителями, коллегами и судьями, и многим другим. Сборник насчитывает 429 страниц и содержит свыше 1180 разъяснений.

В предисловии к этой книге Марков А.Н. прозорливо написал: *«Все, что создано до настоящего времени адвокатурой при посредстве ее Советов в сфере этических требований по отношению к своим членам, является не только выражением ее взглядов в прошлом и в данный момент, но и основой будущего ее развития в деле охраны ею своей чести, достоинства и укрепления доверия к ней общества. Выработанные начала адвокатского поведения и деятельности найдут, конечно, в будущем еще более широкое развитие и применение, когда вся адвокатура будет объединена Советами и, я бы сказал, не только этими отдельными Советами, но рядом с ними единым Высшим в Империи Советом, назначением которого было бы согласование деятельности этих Советов».*

Присяжная адвокатура

1866–1917

Автор пояснял своим читателям: *«Первой задачей при составлении настоящего сборника было стремление путем систематизации постановлений Советов показать, чего достигло сословие присяжных поверенных в России за время своего существования в области своего самоуправления и создания этических правил для своих членов. Все правила, мнения, общие положения, сентенции, нашедшие место в этом сборнике выработаны Советами не абстрактно, не в виде канцелярского творчества и измышления, они вылились из сознания самого сословия и являются продуктом его самоопределения и установившихся в среде сословия взглядов, формулированных избранными сословием представительными органами его – Советами. Вырабатывались эти правила самой жизнью сословия по мере доходивших до разрешения Советов отдельных случаев из многосторонней и разнообразной деятельности присяжных поверенных и их помощников. Правила эти создались и живут в целом сословии, к ним прислушиваются, с ними знакомятся по отчетам присяжные поверенные и тех округов, где еще нет Советов; эти правила строгой морали составляют внутреннюю силу сословия и его могучее орудие против раздающихся иногда нападок на адвокатуру.*

...Другой целью выпуска в свет этого сборника было желание пойти навстречу давно сознанной в сословии потребности и неоднократно выражаемым присяжными поверенными пожеланиям иметь для руководства систематизированный сборник правил и мнений Советов, охватывающих профессиональную деятельность адвоката. Кроме того, приступая к составлению сборника, мне казалось, что потребность в нем в настоящее время особенно сказывается как в виду накопившегося большого и разнообразного материала, так и в виду значительного увеличения в последние годы численного состава адвокатуры».

Надо ли говорить, что сборник Маркова А.Н. о правилах адвокатской профессии был весьма положительно воспринят его коллегами, очень востребован, и популярен до настоящего времени. Многие его положения были использованы при разработке ныне действующего Кодекса профессиональной этики адвоката. Практически в любой научной работе, посвященной истокам отечественной профессиональной этики адвокатов, имеются ссылки на книгу Маркова А.Н.

Следует отметить также, что в конце 1890-х годов, когда корпорацией при участии министерства юстиции активно обсуждалась необходимость реформирования адвокатуры для совершенствования её деятельности и решения накопившихся вопросов, и было создано несколько комиссий для выработки

Присяжная адвокатура

1866–1917

соответствующих предложений, опыт Маркова А.Н. также оказался востребованным. Один из активно обсуждавшихся проектов законодательных изменений сначала был предметом изучения и оценки ежемесячно собиравшихся в Москве общих собраний присяжных поверенных, на которых было принято решение создать специальную комиссию из числа авторитетных адвокатов. В неё вошли Виленц В.Г., Гольденвейзер М.С., Сакс И.Г., Сахаров И.Н. и Марков А.Н. Свои замечания по проекту эта комиссия в 1900 году представила в Совет.

В канун предстоящего 50-летнего юбилея адвокатуры Петербургский и Московский советы присяжных поверенных приняли решение об издании «Истории русской адвокатуры». Этот вопрос активно обсуждался в период с 1911 по 1913 годы. Для решения возникших вопросов, касающихся издания, было создано совместное совещание петроградских, московских, харьковских, казанских, одесских и саратовских присяжных поверенных, в числе которых был и Марков А.Н. В результате в 1914 и в 1916 годах вышли в свет три тома, посвященные созданию и развитию адвокатуры в России за 1864 – 1914 годы. На страницах трехтомника можно встретить имя Маркова А.Н., внесшего не последний вклад в дело развития корпорации...

Марков А.Н. умер 10 декабря 1922 года на 63-м году жизни.

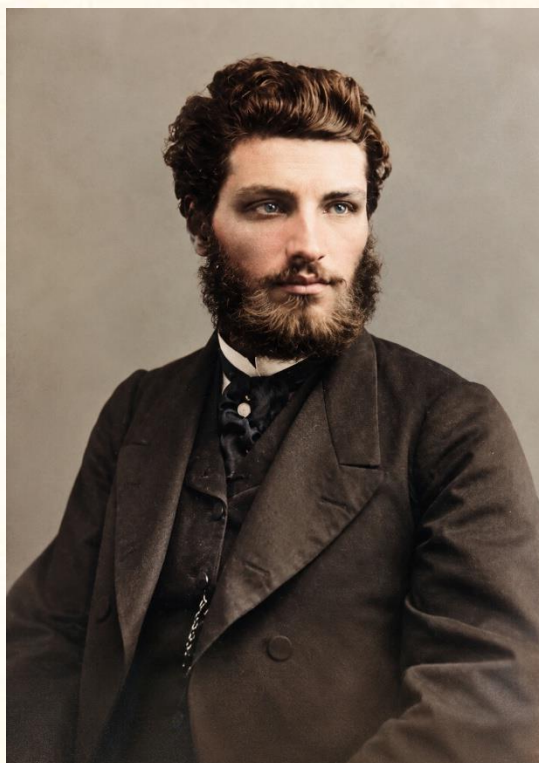
Его сборник «Правила адвокатской профессии в России» служил надежным ориентиром адвокатам, которые пришли на смену присяжным поверенным, и пользуется большой популярностью до настоящего времени, будучи неоднократно переизданным. Актуальные положения этого уникального труда Александра Николаевича послужили важным подспорьем при разработке действующего Кодекса профессиональной этики адвоката – настольной книги членов российской адвокатской корпорации. Не случайно в преамбуле Кодекса сказано, что он принимается в целях поддержания профессиональной чести и развития традиций российской (присяжной) адвокатуры.

Присяжная адвокатура

1866–1917

Сложно сказать по какой причине, но если имена одних российских присяжных поверенных до сегодняшнего дня на слуху у правоведов, то другие – не менее известные и авторитетные для своего времени – незаслуженно забываются и их можно встретить разве что в исторических исследованиях.

Одним из таких людей с неординарной биографией и богатым адвокатским опытом, без сомнения является **Владимир Михайлович Пржевальский** - старший брат великого путешественника Николая Пржевальского, московский присяжный поверенный.

Достаточно сказать, что когда в 1902 году Санкт-Петербургский публицист и адвокат Леон Ляховецкий выпустил книгу в продолжение серии, посвященной самым известным судебным ораторам Российской Империи, и выбрал для этого нескольких московских адвокатов, то в их число попало всего трое московских присяжных поверенных – Плевако Ф.Н., Шубинский Н.П. и Пржевальский В.М.

Не менее знаменательно, что когда в 1916 году торжественно отмечалось 50-летие учреждения сословия московских присяжных поверенных округа Московской судебной палаты, среди самых уважаемых адвокатов, чьи знания, деловые качества и результаты работы получили самые высокие оценки, был назван и в превосходных степенях охарактеризован Владимир Михайлович Пржевальский. Причем его имя и достоинства были названы даже раньше, чем этой почести в звучавших докладах удостоились безусловные авторитеты отечественной присяжной адвокатуры Плевако Ф.Н. и Урусов А.И.!

Чтобы не быть голословными, приведем выдержки из прозвучавших выступлений. Вот как был описан внешний облик и черты Пржевальского: высокий, немножко согбенный, неуклюжий, с орлиным носом, с глухим голосом народного вития, тяжелой поступью приближающийся к пюпитру, точно медведь, идущий на рогатину, силой своей логики, исключительным анализом исследуемых

Присяжная адвокатура

1866–1917

событий, как бы под себя подбирающий своего противника, и всей мощью своей фигуры его уничтожающий.

О его публичных выступлениях в судах было сказано так: *«В своих речах он отличался ясностью и точностью изложения, резкостью мысли и даже слова, но его никогда не оставляло чувство уважения к личности, к противнику, к стороне, чувство джентльмена; в своих гражданских процессах он всегда находил уравнивающие начала справедливости и правды с буквой закона. Никогда поэтому его речи не смущали ни судью, ни слушателя софистикой, забвением того, что право для жизни создано, а не жизнь для сухой и отвлеченной его формы».*

Обратимся теперь к биографии этого интересного во многих отношениях человека.

Пржевальский В.М. родился 6 июля 1840 года в селении Отрадном Смоленской губернии. После окончания обучения в Смоленской гимназии был принят в Московский университет, который закончил в 1860 году. Некоторое время жил и учился в Париже, совершенствуя свое образование во французских университетах.

Поскольку в то время Пржевальский В.М. активно увлекался историей, его, по возвращении в 1863 году в Москву, пригласили преподавать этот предмет в нескольких учебных заведениях Москвы, включая Кадетский корпус и 4-ю гимназию. Однако молодого человека сильно влекла юриспруденция, особенно учитывая проводившиеся в Российской Империи в то время реформы. Поэтому в 1866 году он оставил службу по ведомству Министерства народного просвещения и поступил на должность секретаря в один из департаментов Сената. Затем работал в подчинении обер-прокурора, ревизуя дела Московской палаты уголовного и гражданского суда.

После выхода в отставку в чине титулярного советника, 22 августа 1870 года поступил в присяжные поверенные округа Московской судебной палаты. Как затем писали его коллеги, Пржевальский В.М. заявил себя на первых же порах своей новой деятельности адвокатом умным, образованным, способным и серьезным.

Помимо выполнения обязанностей присяжного поверенного, Пржевальский В.М. был одним из самых активных членов Московского юридического общества, семь лет трудился в качестве товарища (заместителя) председателя, вместе с Муромцевым С.А. заведовал редакцией популярного среди специалистов «Юридического Вестника». Кроме того, с 1880 года состоял гласным Московской

Присяжная адвокатура

1866–1917

городской думы, где, по отзывам, «усердно и плодотворно работал, защищая общественный интерес, законность и справедливость».

По свойствам своего дарования Владимир Михайлович был прежде всего цивилистом. Его эрудиция, начитанность, любовь к тонкому анализу правовых явлений, многолетняя упорная работа над гражданскими законами и теорией юриспруденции, выделяли его из ряда известных адвокатов, добывавших лавры в блестящих турнирах по гражданским делам.

В то же время Пржевальский В.М. не замыкался только в цивилистике, но и со временем получил известность как успешный адвокат-криминалист. Среди проведенных им уголовных дел можно назвать участие в суде над игуменьей Митрофанией, процессе «клуба червонных валетов», в деле присяжного поверенного Глаголева, в ряде других разбирательств, связанных со злоупотреблениями в банковских учреждениях.

В одной из публикаций по этому поводу было написано: *«Уступая значительно в красоте, пышности и легкости речи другому московскому адвокату, Ф.Н. Плевако, Пржевальский превосходит его не только эрудицией и детальным знанием дела, но нередко определенностью и сосредоточенностью плана и средств защиты, меткостью отдельных ударов и подробностью анализа фактов, а иногда верностью характеристики лиц в процессах».*

В известном деле игуменьи Митрофании Пржевальский выступал защитником обвиненного в соучастии с нею купца Михалина. Тот, доказывая в суде Владимир Михайлович, слепо доверялся во всем игуменье, и был потом немало удивлен, когда ему неожиданно объявили, что все им содеянное по приказу или просьбе Митрофании, является преступным.

«Ослепленный, - говорил Пржевальский, - величием сана и общественного положения, подавленный энергией и массой деятельности игуменьи, Михалин видел во всех своих услугах только одну благую цель и доверился игуменьи Митрофании безусловно».

«Неужели, - вопрошал адвокат в завершение своего выступления в прениях, - можно карать человека за то, что он слишком много верил и слишком много думал?».

Присяжная адвокатура

1866–1917

По дѣлу игуменъ Митрофаніи.

Рѣчь присяжнаго повѣреннаго г. Пржевальскаго.

(Обстоятельства дѣла изложены передъ рѣчью О. Н. Плевако).

Гг. присяжные засѣдатели! Вмѣстѣ съ игуменъ Владычнаго Серпуховскаго монастыря Митрофаніей, въ мірѣ баронессой Розентъ, по настоящему дѣлу преданъ суду временно-серпуховскій 2 гильдіи купецъ Алексѣй Платоновъ Махалинъ, защиту котораго я принялъ на себя. Эти два лица, столь различныя между собою по происхожденію, общественному положенію и дѣятельности, въ настоящее время одинаково ждутъ вашего приговора. Не смотря на такую разницу между ними, по мнѣнію представителей обвиненія, ихъ соединила вмѣстѣ одна и та же злая цѣль, во имя которой они совершаютъ рядъ преступленій. Если вѣрить словамъ обвиненія, то по настоящему дѣлу мы видимъ предъ собою такую массу подлоговъ и обмановъ, что самое смѣлое воображеніе отказывается вѣрить подобной дерзости преступленія: намъ считаютъ подложные документы десятками, намъ говорятъ о сотняхъ тысячъ рублей, приобретенныхъ путемъ обмана и подлоговъ. И среди такой обстановки намъ указываютъ на робкую, лишенную всякой энергіи и самостоятельности личность купца Махалина, котораго называютъ соучастникомъ игуменъ Митрофаніи въ томъ длинномъ рядѣ преступленій, которыя ей приписываются. Происходившее предъ вами, гг. присяжные, судебное слѣдствіе дало достаточный матеріалъ для опредѣленія значенія и дѣятельности кажлаго изъ лицъ, участвовавшихъ въ настоящемъ

Подробный разбор улик, собранных в отношении Михалина, и демонстрация их несостоятельности привела к полному оправданію подзащитного Пржевальскаго.

Интересно, что на этом процессе Владимир Михайлович, защищая своего доверителя, в то же время пытался продемонстрировать положительные качества игуменъ Митрофаніи.

Результативной стала и тактика присяжнаго повереннаго Пржевальскаго по напущенному в свое время делу «клуба червонных валетов», где он защищал некоего Эрнеста Либермана. Дело выделялось из числа других не только числом привлеченных к уголовной ответственности за участие в преступной группировке

лиц – их было 45, и предъявленных к ним самых разнородных обвинений, от мошенничеств до убийств, но и по числу заслушанных судом лиц - трехсот свидетелей. В итоге такой объемности предложенная обвинением версия событий получилась весьма хаотичной, со многими нестыковками и явными ошибками. В суде выяснилось, что в числе подсудимых были люди, ранее даже никогда не знавшие друг друга.

Отстаивая интересы своего доверителя, Пржевальскій указывал на его вовлечение в происходившіе событія, благодаря случайному стеченію обстоятельств. Владимир Михайлович образно говорил, что Либерман «в качестве обвиняемого приютился на страницах настоящаго обвинительнаго акта, как безмолвный гость блестящей театральнаго пьесы». Но на самом деле он «в этом деле чист и сделался жертвой излишней подозрительности следственной власти». В результате Либерман оказался в числе ряда подсудимых, оправданных присяжными.

Присяжная адвокатура

1866–1917

В 1889 году в Московском окружном суде Пржевальский В.М. защищал коллегу по корпорации Глаголева, обвиненного в шантаже, состоявшем в вымогательстве денег путем угроз оглашения частной переписки. Его оппонентом на процессе выступал в качестве поверенного гражданского истца опытный участник многих судебных сражений Жуковский В.И.

Помимо тщательного анализа доказательств, Пржевальский продемонстрировал присяжным данные об исключительно положительной характеристике подсудимого и – в противовес - весьма сомнительную природу деятельности потерпевшего, тем самым явное нравственное превосходство оказалось на стороне Глаголева. По мнению наблюдателей, *«здесь защитник мастерски повернул обвинение против жалобщика и одной черточкой, одним удачным указанием на загадочную таинственность былых дел, создал перед судьями непривлекательный портрет гражданского истца. Обвинение зиждется, главным образом, на показаниях такого лица, которое дискредитировано в своем прошлом и не может внушать к себе доверие»*. И присяжные заседатели, вынося свой вердикт, не сочли доказанным сам факт преступления.

Говоря о участии Пржевальского В.М. в так называемых «банковских делах», включая дела о банкротстве, можно назвать его работу в качестве гражданского истца от конкурсного управления в деле Орловского Городского Общественного банка, связанного с выявленными злоупотреблениями в этом кредитном учреждении и слушавшегося в 1887 году в Харьковской Судебной Палате.

Владимир Михайлович также был участником судебного процесса в Смоленске о злоупотреблениях в Вяземском городском общественном банке, рассматривавшегося Московской судебной палатой. Пржевальский защищал главу этого банка Гайдукова – своего старого гимназического товарища. В день прений Пржевальский уже в пять часов утра начал готовиться к своему выступлению, и вот один из отзывов: *«Сказанная им защитительная речь произвела глубокое впечатление и была художественным произведением»*.

Назовем также дело о злоупотреблениях в Саратовско-Симбирском банке (4 июня – 3 июля 1887 года), о банкротстве Московского ссудного коммерческого банка (2 - 24 октября 1876 года). В последнем случае, связанном с подкупом банковских руководителей и неверном составлении отчетности, Пржевальский участвовал в процессе вместе с такими известными присяжными поверенными, как Плевако, Куперник, Рихтер, Геннерт.

Присяжная адвокатура

1866–1917

Очень непростое дело провел Пржевальский, защищая некоего Бориса Мельницкого – сына казначея Федора Мельницкого. Суть обвинения заключалась в том, что Борис оказал отцу содействие в присвоении подконтрольных тому денег, принял их от отца и скрыл, а затем распоряжался ими. На следствии Борис сознался в предъявленном ему обвинении.

Защищая на суде Бориса, Владимир Михайлович занял позицию, переносящую всю тяжесть преступления на ранее уже осужденного отца – Федора Мельницкого. Защитник доказывал, что сын был только орудием в «железных руках» отца и, укрывая похищенные деньги, по сути, стал жертвой шантажа. Пржевальский убеждал присяжных, что сын при данных обстоятельствах выполнял роль несчастного, угнетенного и как бы безответственного существа. В итоге Борис Мельницкий, несмотря на признание им вины, был оправдан. Однако признание его невиновным вызвало большое негодование в откликах в печати, обществе, и отчасти в юридических кругах. Пресса активно стала разыгрывать карту непригодности для России суда присяжных.

Адвокатское сообщество прекрасно понимало значение данного судебного решения и важность того, чтобы оно «устояло» в вышестоящих инстанциях, в связи с чем защищать дело в кассационной инстанции прибыл патриарх русской адвокатуры Спасович В.Д. Тем не менее, судебный акт по делу Мельницкого был отменен и, по предположениям некоторых исследователей, этот случай послужил одним из поводов для ограничения компетенции суда присяжных.

Как высокого профессионала и отважного человека характеризует Пржевальского его участие на стороне нескольких ответчиков по иску к ним министра путей сообщения Кривошеина А.К. – высокопоставленного сановника, Гофмейстера Двора Его Императорского Величества. Сначала Могилевский окружной суд удовлетворил исковые требования министра, и дело по апелляционной жалобе ответчиков поступило в Киевскую судебную палату, причем интересы Кривошеина представлял Ф.Н. Плевако. В одной из публикаций, описывавшей происшедшие события, можно прочитать: *«Мы ставим в заслугу Пржевальскому здесь смелый тон его речи в атмосфере робости. ... Пржевальский в этом деле заговорил языком твердым и откровенным, не стесняясь служебным положением истца. Представился удобный случай доказать, что не на словах только, но и в действительности наш реформированный суд – равен для всех и справедлив».*

Присяжная адвокатура

1866–1917

Во многом благодаря занятой Владимиром Михайловичем позиции по данному спору Кривошеину А.К. в иске было отказано, и по итогам этого судебного разбирательства, говоря об очевидной заслуге в полученном результате присяжного поверенного Пржевальского В.М., наблюдатели указывали: *«Оратор, ведя это «щекотливое» дело, почувствовал в себе ту силу, которая вливается в человеческую душу со знанием справедливости преследуемой цели. Полный веры в правосудие своей страны, он повел атаку против влиятельного противника с открытым забралом. ... Дело это наглядно показало, какую огромную важность может иметь у нас сильная своей правдой речь адвоката и беспристрастное слово независимого суда».*

Среди клиентов у Владимира Михайловича сложилась репутация безупречного, скрупулёзного юриста; он не обещает невыполнимого, не берёт сомнительных дел, но уж если берётся — изучит вопрос «до дна» и выиграет его скорее железной логикой, а не красноречием. Один из современников заметил: «В нём не было адвокатского блеска, но было нечто большее — спокойная уверенность честного человека, который знает, что право на его стороне».

Эта честность формировала и его быт. Пржевальский не гонялся за роскошью, хотя адвокатская практика приносила стабильный доход. Он жил скромно, почти аскетично. И тому была особая причина. Весь Петербург, а затем и вся Россия грезил экспедициями его младшего брата — Николая Михайловича Пржевальского. Тот, одержимый страстью к неизведанному, метался в поисках средств на свои путешествия в Центральную Азию. Государственные субсидии были скудны, а подготовка караванов, закупка оружия, инструментов и подарков для местных племён требовали денег. И тогда на помощь приходил Владимир. Из своих адвокатских заработков он регулярно посылал брату значительные суммы, становясь, по сути, главным «спонсором» его великих экспедиций. В том числе тех, что открыли миру дикую лошадь, исследовали Тибет, Лоб-Нор, Джунгарию. Без скромного московского поверенного, корпевшего над судебными бумагами, Пржевальский-путешественник вряд ли смог бы осуществить и половину задуманного. Это был тихий, почти незаметный подвиг любви и самопожертвования.

Братья были очень дружны, и при наличии возможностей старались встречаться и проводить время вместе. Общим их увлечением была охота. И, наверное, можно с уверенностью сказать, что для того времени слава Николая Пржевальского как путешественника и первооткрывателя была ненамного больше, чем известность и авторитет Владимира как успешного присяжного поверенного.

Присяжная адвокатура

1866–1917

Владимир Михайлович никогда не афишировал свою роль и вообще не любил говорить о себе. В немногочисленных письмах он больше расспрашивал о здоровье брата и о его маршрутах, чем делился новостями из области судебных баталий. После внезапной смерти Николая Михайловича, случившейся в 1888 году, именно Владимир стал душеприказчиком и хранителем наследия знаменитого путешественника. Он взял на себя заботу о публикации трудов брата, о передаче коллекций в музей, о поддержке семьи. И продолжал активно работать — в совете присяжных поверенных, в судах, в благотворительных комитетах.

14) (Докладъ В. М. Пржевальскаго). Прокуроръ Моск. Судеб. Палаты препроводилъ на разсмотрѣніе Совѣта копіи двухъ жалобъ, поданныхъ мѣщ. Т., каковыя жалобы были ему составлены пр. пов. Р. Въ этихъ жалобахъ,—подробно описывая исторію своихъ отношеній къ еврею М. по подряду на обмундированіе юнкеровъ ***—скаго военнаго училища, полученіе имъ исполн. листовъ на М. и невозможность полученія удовлетворенія изъ залога, представленнаго по подряду,—Т.,—называя М. не иначе, какъ «жидомъ»,—утверждаетъ, что ***—ское училище совмѣстно съ жидомъ систематически его обманывало, усердно помогая жиду въ той гнусной игрѣ, которую онъ игралъ съ нимъ, Т., и просилъ привлечь это училище къ уголовной отвѣственности за рядъ обмановъ на словахъ и въ официальныхъ бумагахъ и за противодѣйствіе исполненію воли Государя Императора, выраженной въ выданныхъ ему, Т., исполн. листахъ.

Не отвергая факта составленія Т. упомянутыхъ жалобъ прокурору,

Дисциплинарное дело, рассматривавшееся по докладу члена Совета Пржевальскаго В.М.

Нельзя не отметить, что, вступив в адвокатскую корпорацию, Пржевальский В.М. был активно вовлечен в деятельность московского Совета присяжных поверенных: сначала принимал участие в комиссии по пересмотру гражданских законов и комиссии по организации библиотеки. 15 ноября 1881 года был избран членом Совета, а на следующий год - товарищем (заместителем) председателя Совета, и в этом качестве состоял до начала

1890 года, когда решил сложить с себя полномочия. В Совете был одним из докладчиков по рассматривавшимся жалобам, поступавшим на отдельных адвокатов или их помощников.

Его собственная смерть в 1900 году не стала информационным событием. Некрологи были скупы: честный юрист, добрый семьянин, брат знаменитого Пржевальскаго. Но подлинное завещание, моральное и материальное, он оставил после себя другое. Почти всё своё состояние — а оно было скоплено десятилетиями праведного адвокатского труда — Владимир Михайлович завещал на благотворительные и просветительские цели: учредил стипендии для бедных студентов-юристов, передал средства Географическому обществу, помог нескольким школам. В этом был весь его характер: не громкая слава, а деятельное милосердие.

Как уже сказано выше, после смерти Пржевальскаго В.М. коллеги не забыли о нём, и, отмечая юбилей московской присяжной адвокатуры в 1916 году, не раз упоминали его имя в своих выступлениях: «Эта вечная боязнь, что не все так

Присяжная адвокатура

1866–1917

сделаешь, как нужно, опасение, что не удастся нарисовать истинную картину событий, сомнение в своих силах – составляли основную черту характера Пржевальского и служили лучшим доказательством заложенного в душе его большого художественного таланта». Также о многогранности Пржевальского как юриста говорилось, что он представлял собою яркий тип адвоката цивилиста, адвоката практика, который воплотил в себе всю тяжесть повседневной адвокатской работы, изо дня в день надрывающей корни силы, уничтожающей энергию и молодость, но не подчинившегося силе этого давления, а всецело его поборовшего. Гражданская практика наиболее отвечала ясности его ума и точности мысли. Однако «Было бы ошибкой думать, что Пржевальскому, чаще всего работавшему над исследованием сухих гражданских споров, были чужды художественные эмоции. Иногда он выступал и в уголовных процессах, где, несмотря на весь опыт и знания, он предавался волнению художественного творчества и заставлял глубоко волноваться своих слушателей» ...

Очерк о Владимире Пржевальском — это напоминание о том, что история держится не только на гениях, но и на людях долга. Он не вошёл в пантеон великих ораторов, но вошёл в тот незримый фундамент, на котором держалось достоинство русской присяжной адвокатуры. Он служил не гонорару, не тщеславию, а праву и справедливости — так, как он их понимал. И если Николай Пржевальский раздвигал географические горизонты России, то Владимир Пржевальский — своей честностью и упорством — двигал горизонты нравственные. И действительно, это не меньшее достижение.

К 175-летию со дня рождения Владимира Михайловича потомки братьев Пржевальских – Пржевальская Л.К. и Пржевальский Н.М. опубликовали книгу «Владимир Михайлович Пржевальский: Очерки» (Москва: изд. РГАУ-МСХА, 2016, 306 с.). В ней представлены материалы из семейного и государственного архивов, воспоминания его коллег и учеников. Рассказы о жизни и профессиональной деятельности своего знаменитого родственника авторы иллюстрируют фотографиями и письмами членов семьи. В приложении приведены речи присяжного поверенного Пржевальского В.М. на судебных процессах, в которых он принимал участие.

Присяжная адвокатура

1866–1917

Те, кто знаком с книгами воспоминаний Елены Георгиевны Боннэр – вдовы знаменитого Андрея Дмитриевича Сахарова (1921–1989) – учёного-физика, академика АН СССР, лауреата Нобелевской премии мира 1975 года, не может не обратить внимание, что в них довольно значительное место уделяется юридической тематике, затрагивающей прямо или косвенно жизнеописание людей, о которых она повествует. К примеру, она рассказывает, что дед её супруга был присяжным поверенным, весьма известным в свое время.

Иван Николаевич Сахаров

Опираясь на доступную информацию и обращаясь к страницам книги Елены Боннэр «Вольные заметки к родословной Андрея Сахарова» (Москва, изд. «Права человека», 1996), мы расскажем о судьбе этого человека - ***Иване Николаевиче Сахарове.***

Родился в Нижнем Новгороде 9 октября 1860 года в семье священника. В 1879 году Иван Сахаров окончил гимназию и поступил на юридический факультет Московского университета. Сначала занятия он посещал плохо и был даже отчислен на какое-то время из учебного заведения. Но потом взялся за ум, и в 1884 году окончил университет первым по списку в звании кандидата прав.

Во время учебы на 2 курсе университета Иван Сахаров в 1881 году встретил свою будущую жену Марию, которая вскоре устроилась работать писмоводителем у московского присяжного поверенного Лешкова В.Н. Проживали молодые в те годы, находясь в незарегистрированном в церкви браке, в Москве в доходном доме В.А. Чижова на Страстном бульваре.

Обвенчались Сахаровы в 1899 году, уже после рождения всех их шестерых детей, и в октябре того же года обратились с ходатайством “Об оказании им особой Монаршей милости по семейному их делу, об узаконении добрачных детей”. Прошение было удовлетворено только 10 октября 1901 года. И уже 25 октября 1901 года Иван Николаевич получил бессрочный паспорт, в котором было записано: “При нем жена Мария Петровна 40 лет и дети родившиеся: Татьяна 4-го мая 1883 года, Сергей 17 июля 1885 года, Иван 25 февраля 1887 года, Дмитрий 19 февраля

Сахаров И.Н.

Присяжная адвокатура

1866–1917

1889 года, Николай 2 мая 1891 года, Георгий 11 августа 1897 года. Арбатской части, 2-го участка пристав (подпись)”.

После окончания университета Сахаров начал службу помощником присяжного поверенного. Сначала трудился у присяжного поверенного Николая Петровича Шубинского, а затем у Фёдора Никифоровича Плевако.

Интересно, что уже в молодые годы Иван и Мария Сахаровы подозревались полицией в причастности к организации «Народная воля», в связи с чем по месту их жительства проводились обыски. Однажды Сахаров даже был арестован, и залог за его освобождение вносил Ф.Н. Плевако.

Согласно книге Елены Боннэр, профессиональная деятельность Ивана Николаевича складывалась вполне успешно. Он стал присяжным поверенным, о чем имеются записи в документах московского совета за 1889 год. В этом качестве приобрел большую адвокатскую практику, и его заработок, как видно из ежегодных докладных Департамента полиции, постоянно возрастал, достигнув к 1893 году 6.000 рублей в год. Финансовое положение поднадзорных постоянно было в поле зрения Департамента полиции. В докладной 1897 года сказано: “Занимается адвокатурой, чем и добывает большие средства”; в 1898 году: “Зарабатывает большие деньги, ведя судебные процессы”.

В опубликованном в 1917 году «Списке присяжных поверенных округа Московской судебной палаты и их помощников к 15 ноября 1916 года» о присяжном поверенном Сахарове И.Н. указано, что живет он в Гранатном переулке, доме Гольденвейзера, и имеет 6 помощников, среди которых значатся два его сына - Сахаров Иван Иванович (с 22 июня 1911 года) и Сахаров Сергей Иванович (с 16 января 1913 года).

Из книги Елены Боннэр можно узнать, что чета Сахаровых и их дети сменили между 1886 и 1910 годами в Москве десять квартир, пока наконец обосновались в Гранатном переулке, д. 3, занимая квартиру из шести комнат – весь второй этаж небольшого особняка. Дом этот принадлежал Моисею Соломоновичу Гольденвейзеру, юрисконсульту банка, знакомому Ивана Николаевича по московской адвокатуре.

Отметим также, что Сахаров активно участвовал в работе московского Совета присяжных поверенных, где состоял членом комиссии по Уставу об опеке и был кандидатом в члены конституционной комиссии.

Присяжная адвокатура

1866–1917

Иван Николаевич принимал участие как адвокат в ряде крупных судебных процессов. Среди них два дела, связанные с пароходными авариями: на реке Волге и на Чёрном море. Речь Сахарова по последнему делу была опубликована в 4-м томе семитомного издания «Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах» (1900 год).

Суть дела состояла в том, что в ночь 27 июня 1894 года на Черном море за мысом Тарханкутом столкнулись почтово-пассажирский пароход «Владимир» со 167 пассажирами на борту и итальянский грузовой пароход «Колумбия». В результате «Владимир» затонул и погибло 76 человек.

О красноречии Ивана Николаевича, представлявшего интересы части потерпевших, можно судить по завершению его выступления на этом суде: *«Теперь мне остается сказать, что мы передаем наше дело в*

руки правосудия с полным сознанием справедливости наших требований и с верою, что мы найдем в правосудии защиту наших законных интересов; что мучившая в минуту предсмертной агонии погибшего страдальца мысль, что семья его будет обречена на тяжкую борьбу с нищетой, не оправдается; что закон защитит сирот, и русское правосудие останется верным началу гуманности, одной из лучших его национальных особенностей. Пусть после этой страшной ночи тарханкутской катастрофы, где царило дикое озлобление, животный эгоизм одних и преступное безволие и растерянность других, наступит для потерпевших, вместе с властным и решительным словом правосудия, солнечный день!...».

Выступал Сахаров И.Н. также защитником в политических процессах, получивших широкий общественный резонанс как в России, так и за её пределами. В 1907 году участвовал в Выборгском процессе в качестве защитника, на котором

Дело о столкновении «Владимира» и «Колумбии».

243

парохода был правитель и что капитан его проявил находчивость и энергию...

О случаѣ этомъ, бывшемъ лѣтъ 10—15 назадъ, рассказъ мнѣ одинъ старый морякъ... Я вспомнилъ о немъ теперь и рѣшился подѣлиться рассказомъ этимъ съ судомъ, зная, что судъ никогда не пренебрегаетъ прецедентами...

Въ дальнѣйшемъ изложеніи прис. пов. Н. І. Холева остановился на юридической постановкѣ своихъ исковъ, общая сумма которыхъ простирается до 400.000 руб.

Прис. пов. Сахаровъ. Закончено авторитетное слово представителя государственнаго обвиненія, исчерпаны доводы обвиненія, но не исчерпана еще задача правосудія. Въ торжественную минуту произнесения приговора, который будетъ отвѣтомъ на обвиненіе, суду предстоитъ еще выполнить возложенную на него закономъ обязанность охраны интересовъ лицъ, пострадавшихъ отъ преступленія.

И наша обязанность, по моему крайнему разумѣнію, должна ограничиться представленіемъ суду объясненій по поводу тѣхъ гражданскихъ правоотношеній, которыя возникаютъ изъ предъявленнаго нами къ русскому обществу требованія. Занять такое положеніе въ процессъ, дать такія рамки для своихъ объясненій побуждаетъ меня какъ роль, отведенная статьею 683 т. X гражданскому истцу въ уголовномъ процессѣ съ самостоятельнымъ гражданскимъ отвѣтчикомъ, такъ и убѣжденіе, что это положеніе при добытій судебнымъ слѣдствіемъ матеріалѣ, обезпечивающемъ нашъ искъ, помимо установленія уголовной отвѣтственности подсудимыхъ, наиболѣе соответствуетъ интересамъ лицъ, пославшихъ меня защищать здѣсь ихъ права.

Предъ нами лежитъ въ этомъ процессѣ тѣсная и узкая задача, но болѣе обезпечивающая интересы пострадавшихъ лицъ, — установить, что отвѣтчикомъ по нашему иску не доказано, что крушеніе «Владимира» и послѣдовавшая гибель пассажировъ произошли вслѣдствіе воздѣйствія непреодолимой силы и не по винѣ агентовъ общества, какъ этого требуетъ отъ него точное указаніе закона. Оберегая интересы пострадавшихъ, законодатель расширяетъ при этомъ отвѣтственность владѣльцевъ пароходныхъ предприятий за предѣлы уголовной отвѣтственности ихъ агентовъ

16*

Присяжная адвокатура

1866–1917

167 членов I-й Государственной думы, подписавших Выборгское воззвание, были осуждены на три месяца заключения.

Он также выступал в политических процессах, таких как “Дело о беспорядках на фабрике Коншина” (1897), “Дело о саратовской демонстрации” (1902), “Дело о погроме в Кишиневе” (1903). В одном из полицейских донесений, когда надзор за ним уже был снят, Иван Николаевич характеризуется как “постоянный адвокат стачечников”.

Являлся членом партии конституционных демократов и активно поддерживал работу её фракций в Государственной Думе. Был выборщиком от партии кадетов во 2-ю Думу и председателем образованной при Центральном комитете партии комиссии по вопросам о свободе совести.

В 1911 году стал членом правления Московского общества грамотности. В 1912 году участвовал в работе Фонда народного просвещения при газете «Новь». Был членом Педагогического общества имени К.Д. Ушинского, а в 1914 году избран в его финансово-исполнительскую комиссию, занимавшуюся подготовкой III Всероссийского съезда учителей, планировавшегося на лето 1916 года. В 1915 году избран в правление Московского юридического собрания, а в 1917 году стал его председателем.

С 1892 года Сахаров был членом Комитета Общества вспомоществования нуждающимся студентам Московского университета, с 1899 года членом Московского отделения Императорского Русского технического общества, членом Комиссии по техническому образованию. Он являлся членом Комиссии о введении в России всеобщего обучения и секретарем Комиссии по устройству сельских библиотек. С 1892 года был действительным членом Общества распространения полезных книг и членом редакционной комиссии.

Сохранилась записка Чехова А.П. к Сахарову И.Н. о книгах для библиотеки на Сахалине и часть переписки с инспектором народных училищ Смоленским, связанной с тем, что в 1895 году на средства Сахаровых в селе Выездном была создана библиотека.

В 1906 году Иван Николаевич Сахаров стал одним из редакторов-составителей коллективного издания «Против смертной казни» под редакцией М.Н. Гернета, О.Б. Гольдовского и И.Н. Сахарова. Сборник включал статьи, письма и художественные тексты Л.Н. Толстого, В.В. Розанова, В.С. Соловьёва, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, П.А. Кропоткина, а также священнослужителей,

Присяжная адвокатура

1866–1917

профессоров-юристов и иностранных общественных деятелей. В сборник как приложение к публикациям был включен список приговорённых к смертной казни.

Это издание стало значительным событием российской общественной жизни и рассматривалось как авторитетный коллективный протест гуманистической мысли против смертной казни, особенно в условиях роста казней революционеров. Книга вызвала недовольство властей, её пытался запретить Цензурный комитет и даже вставал вопрос о привлечении редакторов издания к уголовной ответственности.

После начала Первой мировой войны, начиная с 1915 года, Иван Николаевич неоднократно бывал на фронте как уполномоченный во врачебном отряде, созданном на средства мецената В.А. Морозовой. В эти же годы его супруга Мария Петровна входила в Совет попечителей по организации приютов для детей, потерявших семьи во время войны, а старшая дочь Сахаровых Татьяна работала медсестрой в военном госпитале.

Еще до войны, в 1913 году, Сахаровы приобрели в Кисловодске дом с большим участком земли, где и провели лето 1916 года. В начале 1918 года Иван Николаевич с Марией Петровной и младшим сыном Георгием вновь уехали в Кисловодск. В ноябре 1918 года Сахаров приезжал в Москву на крестины внука Михаила. На обратном пути в Кисловодск он заболел тифом и умер в Харькове в ночь с 5 на 6 декабря 1918 года.

Некролог по поводу смерти Сахарова И.Н. опубликован в харьковской газете «Новая Россия» за 11 декабря 1918 года. О Иване Николаевиче здесь сказано как о московском присяжном поверенном и крупном общественном деятеле. После описания жизненного пути умершего текст завершали такие слова: «В личных отношениях он был чуткий, отзывчивый и в высшей степени доброжелательный человек. Мир праху его!».

Присяжная адвокатура

1866–1917

Московская школа присяжной адвокатуры славилась не только гениальными ораторами-одиночками, но и целой плеядой юристов, для которых профессиональное мастерство было неразрывно слито с гражданским мужеством. Они считали своей миссией не просто выигрывать дела, а защищать саму свободу — и делали это с риском для карьеры, благополучия, а подчас и самой жизни. К этому типу адвоката-гражданина, для которого уголовная защита превращалась в политический акт, а зал суда становился парламентской трибуной, принадлежал ***Николай Васильевич Тесленко***.

Он родился в 1871 году в дворянской семье, окончил юридический факультет Московского университета и в самом конце XIX века вступил в сословие присяжных поверенных. Молодой адвокат быстро обратил на себя внимание. В отличие от многих сверстников, уходивших в тихие цивильные кабинеты, Тесленко с головой окунулся в уголовную защиту. Природа одарила его не только живым аналитическим умом, но и даром искреннего, мужественного слова. Он не копировал ни Плевако с его лукавым народным юмором, ни Спасовича с его академической холодностью. Тесленко говорил горячо, прямо, порой резко, но всегда с той внутренней убежденностью, которая способна переломить даже предубеждение судей. Один из современников заметил: «Когда Тесленко защищает, кажется, что он сам готов идти на каторгу за своего подзащитного — так глубоко он переживает чужую беду».

Участвовать Николаю Васильевичу приходилось в самых разных делах. Например, в 1902 году Харьковская судебная палата в городе Сумы слушала дело о павловских сектантах, вступивших в конфликт с представителями православной церкви, где вместе с Тесленко Н.В. защиту на процессе осуществляли Муравьев Н.К. и Маклаков В.А.

Тесленко Н.В.

Присяжная адвокатура

1866–1917

Организация первого кружка. В виду того, что политическая защита в свое время сыграла значительную роль среди самых разнообразных слоев населения и в организации не только общественного мнения, но и общественных сил, мы считаем не лишним остановиться на ее формах и методах действий.

Первый кружок политических защитников сформировался в Москве из лиц, связанных между собой не только идейно, но и узами товарищества, школьной скамьей и личной дружбой. Здесь были: В. А. Маклаков, Н. В. Тесленко, П. Н. Малянтович, Н. К. Муравьев и некоторые другие лица в очень ограниченном количестве. Затем кружок разросся и получил уже организационное оформление.

Организация кружка, его цели и задачи были гораздо шире обслуживания политической защиты на суде; последняя была лишь одной из функций организации. Но так велика была популярность именно этой функции, что широкое слою общества почти ничего не знают о той большой работе, которая была проделана кружком помимо политических защит.

Кружок был учреждением беспартийным. Он был объединен одной идеей, — идеей борьбы с самодержавием. А потому в него входили представители всех оппозиционных и революционных партий, а также, конечно, и беспартийные. В организации работали вместе и мирно уживались и будущие освободители, а потом правые кадеты, как Маклаков, Н. В. Тесленко, далее автор этой книги, будущий левый кадет, и социалист-революционер Ширский, и беспартийный социалист Муравьев, и агент Центрального комитета партии большевиков при Московском комитете Шанцер (Марат), и большевик Д. И. Курский, будущий комиссар юстиции. Все мы мирно уживались под кровлей одной организации на одном и том же деле. Наибольшим влиянием среди кружка тогда пользовался Н. В. Тесленко, считавшийся человеком левых убеждений, хотя социалистом он никогда не был. Дальнейшая эволюция идей Тесленко прошла уже за пределами кружка и после его фактического распада.

Фрагмент воспоминаний о Тесленко Н.В. из книги его коллеги Мандельштама М.Л. "1905 год в политических процессах. Записки защитника" (Москва, 1931).

Однажды во Владимирском суде проходило большое дело о забастовке на фабрике «Гусь», принадлежавшей фабриканту Нечаеву-Мальцеву Ю.С. Оно слушалось в городе Маленки, что недалеко от Муром. Был вынесен обвинительный приговор, который, благодаря защите, в состав которой входил и Тесленко, существенно скорректировал Правительствующий Сенат в сторону смягчения.

Первую громкую известность ему принесли политические процессы, хлынувшие после революции 1905 года. Российская империя судила депутатов,

Тесленко Н.В.

Присяжная адвокатура

1866–1917

рабочих активистов, участников вооружённых восстаний. Защищать таких лиц означало оказаться под колпаком охраны, навлечь на себя обвинения в «неблагонадёжности». Тесленко это не останавливало. Он участвовал в деле членов Петербургского совета рабочих депутатов, в процессах эсеров и социал-демократов, в бесчисленных слушаниях по делам о «преступной пропаганде». Его тактика отличалась особым бесстрашием: он не только оспаривал улики, но и переводил разговор в плоскость права на свободу убеждений, заставляя судей и прокуроров невольно вступать в политическую дискуссию. Это была защита на грани фола, балансирование между карой и негласным признанием, но именно она спасала многих от виселицы и бессрочной каторги.

Так было и на известном Морозовском процессе, когда более трети обвиняемых были судом оправданы. Тесленко Н.В. осуществлял защиту по этому делу совместно с Малянтовичем П.Н., Муравьевым Н.К., Маклаковым В.А. и Ходасевичем М.Ф. Именно эти адвокаты положили начало организации прославившейся затем группы «молодой адвокатуры», создав в 1895-1896 годах первый в России кружок политических защитников.

Параллельно с адвокатурой Тесленко активно занимался политикой. Он стал видным деятелем Конституционно-демократической партии (партии народной свободы), был избран депутатом Первой и Второй Государственной думы от Москвы. В Таврическом дворце он произносил речи о гражданских свободах и амнистии — те же речи, что и в залах судов, только теперь с ещё более высокой трибуны. Но именно думский период привел его к самому серьёзному испытанию. В июле 1906 года, после разгона Первой Думы, Тесленко вместе с другими депутатами-кадетами подписал Выборгское воззвание, призывавшее граждан к пассивному сопротивлению (отказу от уплаты налогов и рекрутской повинности). Власть не простила этого демарша: все подписавшие, включая Тесленко, были арестованы, осуждены к трём месяцам тюремного заключения и лишены избирательных прав.

Тюремное заключение стало для Николая Васильевича переломным моментом. Лишённый права избираться, он с удвоенной энергией возвращается в адвокатскую профессию. С 1908 года и вплоть до рокового 1917-го его имя гремит в самых громких процессах. Он защищает Бейлиса в знаменитом деле о ритуальном убийстве (1913 год), входя в блестящую команду адвокатов, разбивших обвинение, построенное на клевете и мракобесии. Речь Тесленко на этом процессе — не столько юридический трактат, сколько моральная проповедь против антисемитизма и судебного произвола. Потом будет множество других дел — от

Тесленко Н.В.

Присяжная адвокатура

1866–1917

бытовых убийств до крупных финансовых афер, и в каждом он оставался верен себе: не просто добиваться оправдания любой ценой, а вскрывать правду, какой бы горькой она ни была.

О непререкаемом авторитете Тесленко Н.В. в адвокатской корпорации свидетельствует тот факт, что именно ему было доверено сделать основной доклад на состоявшемся 23 сентября 1916 года торжественном собрании, посвященном 50-летнему юбилею сословия присяжных поверенных Московского судебного округа.

Важно в этой связи отметить, что многое из сказанного Николаем Васильевичем о проблемах адвокатуры как никогда актуально и в настоящее время: *«Сословие присяжных поверенных рождено было чудесным порывом законодательного творчества, - одним из тех порывов, которые, к глубокому сожалению, лишь изредка нисходят на нашу землю, но, снизойдя, оплодотворяют ее и дают пышный расцвет русской жизни...»*

Был воздвигнут дивный, незапятнанный, сверкающий чистотою храм правосудия. Те, кто вступили в это здание, были достойны его. Трудное и новое дело суда правого, состязательного, гласного и равного для всех, осуществлено усилиями всенародными с успехом необычайным. ... Трудны были первые шаги присяжной адвокатуры, не было извне никого, кто помогал бы и поддерживал ее. Адвокатуре с самого начала пришлось встать на свои ноги и идти одиноко. Сословие присяжных поверенных принадлежит к числу тех учреждений, созданных в эпоху великих реформ, которых ... всегда ненавидели и боялись. С адвокатурой боролись, ее теснили, толкали, преследовали, а где нельзя было преследовать, там с ничтожной и мелочной придирчивостью царапали и оскорбляли. Но сословие присяжных поверенных шло своей дорогой и без посторонней помощи росло и крепло.

... Ни наука, ни жизнь, ни теория, ни практика не предложили донныне другой формы отправления правосудия, чего-либо иного взамен состязательного начала. Но в состязании стороны должны быть равны. А это предполагает необходимым сословие людей независимых, свободных, вооруженных знаниями и талантами.

Другой драгоценный талисман, которым благословили новорожденное сословие на жизненный путь его творцы, - это сословное самоуправление. Пусть оно было урезано, искажено, пусть с самых первых шагов его ограничивали, и даже большую часть присяжной адвокатуры лишили благ самоуправления, пусть над ним господствовали начала ему чуждые, пусть всячески мешали его деятельности – и тайно, и явно, и прямо, и косвенно, но под сенью сословного самоуправления

Тесленко Н.В.

Присяжная адвокатура

1866–1917

искали прибежище люди необъятной духовной мощи, высоких талантов, неистощимой энергии, и эти люди сумели создать новое сословие и повести его по славному пути. Благодаря самоуправлению, адвокатура могла выполнить ту задачу, которую на нее возлагали творцы Судебных Уставов: окружить новый суд, среди дремучего леса бесправия и всяческой нечистоты тогдашней жизни, окружить его непроницаемой стеной от пагубных влияний, создать вокруг него атмосферу нравственной опрятности и непоколебимой неподкупности».

Февральскую революцию 1917 года Тесленко встретил как освобождение. Он вошёл в состав Особого совещания для расследования противозаконных действий бывших министров, вновь окунулся в политику. Но Октябрьский переворот, разгон Учредительного собрания и установление большевистской диктатуры он не принял категорически. В стране, где право заменили «революционной целесообразностью», а независимый суд — трибуналами, настоящему адвокату места не было. В 1919 году, спасая жизнь, Тесленко с семьёй покинул Россию и обосновался в Париже.

В эмиграции он остался тем, кем был всегда, — защитником униженных. Николай Васильевич стал одним из основателей и активных деятелей Союза русских адвокатов за границей, консультировал бесправных беженцев, писал статьи о праве, выступал на собраниях. Жил трудно, впроголодь, но без жалоб, сохраняя ту самую адвокатскую осанку — прямую спину и спокойный взгляд, с которым он когда-то входил в московские судебные палаты. Умер он в 1942 году в оккупированном немцами Париже, и кончина его прошла почти незамеченной в военном угаре.

Николай Васильевич Тесленко не оставил многотомных трактатов. Но он показал пример того, чем должен быть адвокат в эпоху смут: не обслуживающим персоналом при власти, а голосом совести, вооружённым законом. Его жизнь доказала, что и в зале суда, и на политической арене можно сохранить верность однажды данной присяге — защищать правду и право, даже если сама эпоха объявила им войну.

Тесленко Н.В.

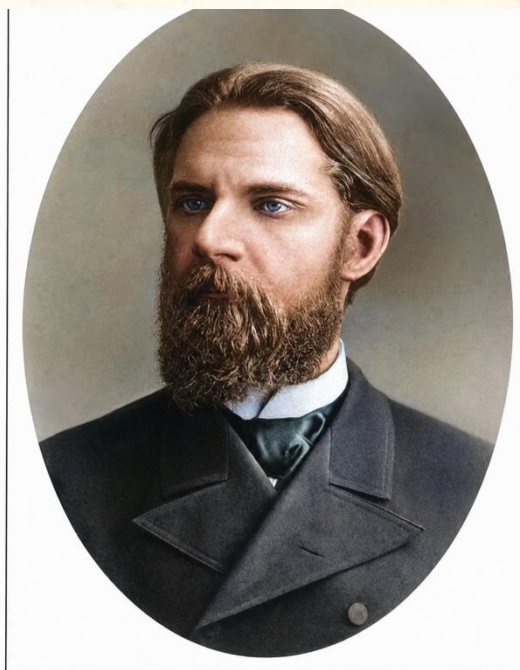
Присяжная адвокатура

1866–1917

Ещё одного уникального представителя дореволюционной адвокатуры сложно однозначно причислить исключительно к её московской части.

Присяжный поверенный **Танеев Владимир Иванович**, будучи одновременно философом, историком и общественным деятелем, начинал свою адвокатскую карьеру в Санкт-Петербурге, но затем продолжил её в Москве. И везде на адвокатском поприще он оставил заметный след.

Владимир Иванович прожил долгую жизнь, пользовался огромным авторитетом у своих современников, даже несмотря на те его качества, которые многие считали проявлением эпатажности и излишней категоричности во взглядах.

В.И. Танеев

Вот как его описывал один из знакомых: «В.И. Танеев был тогда уже отставным председателем московского Совета присяжных поверенных, так сказать, главою адвокатского сословия на покое. Это был крупный старик с сивой шевелюрой и узкой длинной бородой, с голосом резким и ядовитым, в котором была какая-то «плачущая» интонация; как подобает адвокату – он любил говорить и любил, чтобы его слушали не перебивая. Он не разговаривал, а «произносил» и «поучал» – его речи были собранием афоризмов, которые было необходимо с почтением выслушивать, и он в них очень повторялся. Он производил впечатление «старинного» человека, говорил со стародворянскими «крепостническими» интонациями, медлительно и важно; выговаривал «аглицкий» и «эфтим» («я эфтим хочу, милостивый государь, вам сказать»). Это был старый вольнодумец, безбожник и богохульник, ненавистник всех «властей предержащих», противоестественное сочетание лютейшего аристократизма с политическим радикализмом – и все это не мешало ему прекрасно устраивать свои житейские дела».

Присяжная адвокатура

1866–1917

Далее на основании размещенного в книге Троицкого Н.А. «Корифеи российской адвокатуры» (Москва, 2006) эссе, посвященного Танееву В.И., будут приведены основные вехи его биографии.

Родился Танеев Владимир Иванович 24 августа 1840 года во Владимире, где отец его, Иван Ильич Танеев, служил советником палаты государственных имуществ. Мать будущего адвоката Варвара Павловна была на 25 лет моложе супруга, но сумела стать хорошей женой и матерью.

Родители устроили Владимира в привилегированное петербургское Училище правоведения, которое он окончил в 1861 году. Учеба давалась ему легко после домашней подготовки: «К семи годам он уже, совсем как взрослый, читал по-русски и говорил по-французски, по-немецки и по-латыни».

Когда началась судебная реформа Александра II, молодой Танеев сразу же определился со своим призванием: адвокатура! Одним из первых, 21 марта 1866 года, он подал прошение о вступлении в самоуправляющуюся корпорацию адвокатов и 17 апреля был принят в присяжные поверенные Петербургского судебного округа. Все пять лет работы в столичной адвокатуре он был членом Петербургского совета присяжных поверенных, а после переезда в Москву, 7 октября 1872 года принят в число присяжных поверенных Московского судебного округа и сразу избран членом, а затем четыре года подряд (1877-1880) избирался председателем Московского Совета присяжных поверенных.

В первые же пять лет своей адвокатской карьеры, пока Танеев оставался в Петербурге, он выступил на нескольких громких процессах и составил себе имя как выдающийся юрист и судебный оратор. Два таких процесса прошли в 1869 году. 17 октября Петербургская судебная палата рассматривала дело по обвинению редактора газеты «Санкт-Петербургские ведомости» В.Ф. Корша и автора опубликованной в его газете статьи Ранга М.М. с оскорблениями мировых судей.

Корша защищал Стасов Д.В., Ранга - Танеев. Владимир Иванович, может быть, впервые употребил здесь прием, которым он часто пользовался в своих защитительных речах: вычленил из предмета обвинения главное, сопоставил его с тем, как трактует этот предмет обвинение, и показал воочию несостоятельность такой трактовки. Он зачитал ключевую выдержку из статьи Ранга: «Когда Гороховец был затоплен водою, когда жизнь и имущество граждан находились в опасности, когда частный пристав с угрозой для жизни спасал граждан, в то время мировой судья, прокурор, товарищ прокурора и судебный следователь устроили увеселительное катание - пикник». Вывод защитника был таков: если можно в чем

Присяжная адвокатура

1866–1917

упрекнуть Ранга, то разве в том, что он слишком снисходительно и в слишком сдержанных выражениях отнесся к такому легкомысленному поступку, как увеселительное катанье в то время, когда город подвергался бедствию.

В итоге недолгих судебных прений Корш В.Ф. и Ранг М.М. были оправданы.

В том же 1869 году с 12 декабря Петербургская судебная палата начала и 8 ноября 1870 года закончила слушание необычного дела «о политических фальшивомонетчиках». Обвинялись 24 человека «польского происхождения» «в принадлежности к тайному сообществу, имевшему противозаконную цель укрывать беглых преступников польского происхождения и других лиц, подвергшихся преследованию правительства, доставлять им фальшивые паспорта, способствовать побегу их за границу и распространять в пределах российской империи для вспомоществования польским эмигрантам и для расстройства государственных финансов поддельные кредитные билеты, доставлявшиеся из-за границы». Защищали «фальшивомонетчиков» авторитетнейшие петербургские адвокаты: В.Д. Спасович, Д.В. Стасов, К.К. Арсеньев, В.Н. Герард, В.И. Танеев, А.Н. Турчанинов, К.Ф. Хартулари, А.А. Герке, А.И. Языков, Н.М. Соколовский, В.С. Буймистров и др.

Главным событием петербургского периода адвокатской карьеры Танеева стало его выступление на знаменитом процессе нечаевцев в Петербургской судебной палате 1 июля - 11 сентября 1871 года. Здесь Владимир Иванович оказался в еще более «звездной» компании адвокатов, чем по делу «политических фальшивомонетчиков». Вместе с ним защищали нечаевцев В.Д. Спасович, Д.В. Стасов, А.И. Урусов, К.К. Арсеньев, В.Н. Герард, В.М. Пржевальский, А.Н. Турчанинов, К.Ф. Хартулари, А.И. Языков, Н.М. Соколовский и др., всего - 23 адвоката.

Почти каждый из них имел несколько подзащитных. У Танеева их было четверо - В.Н. Черкезов, братья И.В. и В.В. Рязанцевы, Н.И. Голиков. План защиты нечаевцев адвокаты согласовали заранее, еще до начала суда, на совещании у Спасовича. Следуя этому плану, все они изображали своих подзащитных бескорыстными народолюбцами, которых авантюрист С.Г. Нечаев вовлек в тайное общество «Народная расправа» посредством обмана и мистификации (как, собственно, и было на самом деле, за единичными исключениями). «Защита, - свидетельствовал нечаевец В.Н. Лунин, - уговаривала всех нас держать себя доверчивыми, обманутыми, стремившимися преобразовать Россию

Присяжная адвокатура

1866–1917

преимущественно организацией разных земледельческих и промышленных ассоциаций».

Танеев строил свою защиту по тому же сценарию. Поскольку все четверо его подзащитных были выделены во 2-ю (менее «опасную») группу обвиняемых, он умело использовал недостаток улик у суда и настаивал на своем убеждении, что его клиенты «попали в тайное общество совершенно нечаянно», и об истинных целях Нечаева даже не знали.

При этом Танеев (как, впрочем, и другие адвокаты - Спасович, Урусов, Стасов, Герард) высказывал довольно рискованные доводы в защиту мировоззрения подсудимых. Он заявил, что не видит ничего противозаконного в чтении трудов А.И. Герцена (само имя которого в царской России до 1905 года было запрещено!), «тем более что сочинения Герцена, отличающегося необыкновенным талантом, принадлежат русской литературе, и изучать их необходимо каждому, кто только желает иметь полное и основательное понятие о русской литературе».

Председатель суда оборвал эту «герцениану» Танеева репликой, что «как бы ни были хороши в его глазах известные сочинения, но если эти сочинения запрещены, то уже чтение и распространение их по букве закона всегда может и должно признаваться преступлением».

В общем, Танеев был на процессе нечаевцев в числе тех адвокатов, которые, как подметил радикальный журналист П.Ф. Алисов, «дошли до той математической линии, перейдя которую на волос они рисковали вместо защитников попасть в число подсудимых».

Суд, однако, не стал, как говорится, ставить Танееву всякое лыко в строку и вынес его подзащитным умеренный приговор: Черкезову - ссылка в Сибирь, братьям Рязанцевым - недолгий тюремный срок, Голиков оправдан.

С 1872 года, после переезда в Москву, и особенно с 1877 года, когда он был избран председателем Московского совета присяжных поверенных, Танеев больше занимался организационными делами адвокатуры, нежели разбирательством судебных дел в качестве защитника. Именно он в 1877 году побудил записаться в число помощников присяжных поверенных целую группу очень авторитетных ученых-профессоров: М.М. Ковалевского, А.И. Чупрова, И.И. Янжула (все трое - будущие академики), В.А. Гольцева, С.А. Муромцева. Ковалевский позднее вспоминал, что эта инициатива Танеева имела целью «поднять престиж сословия» адвокатов.

Присяжная адвокатура

1866–1917

№ по порядку внесения въ списокъ.	Фамилія, имя, отчество и званіе или чинъ.	Время принятія въ присяжные поверенные.	Избранный повереннымъ городъ для жительства.
		1872 г.	
105	Старковский*, Михаилъ Ивановичъ, коллежскій секретарь.	7 окт.	Москва.
106	Танъевъ, Владиміръ Ивановичъ, титулярный совѣтникъ.	7 „	„
107	Шкенева*, Гаврила Гавриловичъ, кандидатъ правъ.	7 „	„
108	Куперникъ*, Левъ Абрамовичъ, кандидатъ правъ.	16 декаб.	„

Выписка из документов московского Совета присяжных поверенных о приёме Танеева В.И. в члены адвокатуры этого округа.

Дело в том, что по закону от 25 мая 1874 года помощники присяжных поверенных были уравнены в правах с категорией частных поверенных, которые никакого самоуправления не имели, а были приписаны к тем судам, где сдавали экзамен, и находились в полной зависимости от «своих» судов и, разумеется, от Министерства юстиции. 4 февраля 1878 года Танеев провел через Московский совет более рациональные и прогрессивные, по сравнению с законом 1874 года, «Правила организации помощников присяжных поверенных», которые, однако, не нашли поддержки у судебных «верхов».

Знавший хорошо Танеева В.И. и даже находившийся с ним одно время в родственных отношениях Маклаков В.А. (его сестра одно время была женой сына Танеева) вспоминал: «Когда я вступал в Московскую адвокатуру, там давно определилась борьба двух направлений. Сословный орган, Совет, под руководством В. Танеева, ставил задачей воспитывать молодых адвокатов, т. е. помощников, для «служения праву». Для этой цели он создал среди них ряд общественных учреждений. Но в Москве это продолжалось недолго».

Что же касается выступлений на судебных процессах в качестве защитника, то с переездом в Москву их у Танеева стало гораздо меньше, причем крупных дел, которые, подобно делу нечаевцев, вывали бы большой общественный резонанс, не стало вовсе. Во всяком случае, ни на каких «процессах народников 70-80-х годов», которые, будто бы, «стяжали ему славу «красного адвоката», Танеев не выступал.

Танеев В.И.

Присяжная адвокатура

1866–1917

Отчасти из-за растущей загруженности общественными и литературными делами, а частью из-за чрезмерной (до аномалии) разборчивости в выборе судебных дел, Владимир Иванович примерно к середине 90-х гг. свел свою адвокатскую практику к минимуму, почти к нулю.

«Танеев был крайне честен, - вспоминал о нем писатель Андрей Белый (Б.Н. Бугаев). - Однажды, в бытность его адвокатом, к нему явился известнейший миллионер, прося взяться за дело, которое и стал излагать. Танеев слушал с добродушным хладнокровием. Дело изложено. Танеев молчит. Молчит и озадаченный молчанием миллионер. И вдруг раздается короткое, отрывистое, негромкое: «Пошел вон, скотина!» И миллионер, схватив шапку, молча исчезает. Таких эпизодов у Танеева было немало».

В Москве Танеев очень скоро стал инициатором разного рода (вплоть до фрондерских) общественных начинаний. Широкий круг своих друзей - ученых, писателей, мастеров искусств - он собирал на ежемесячные обеды в ресторане «Эрмитаж». Здесь по ходу застолья велись и жаркие дискуссии на любые (включая политически злободневные) темы. Постоянными участниками этих обедов были корифеи науки, литературы, театра, музыки - профессора К.А. Тимирязев и М.М. Ковалевский, И.А. Каблуков и Д.М. Петрушевский, А.И. Чупров и П.Н. Лебедев, В.В. Марковников и В.Ф. Лугинин (пятеро первых станут позднее академиками), артисты А.И. Южин и Б.Б. Корсов. Часто бывали здесь М.Е. Салтыков-Щедрин, П.И. Чайковский и брат Владимира Ивановича С.И. Танеев, иногда - И.С. Тургенев.

На этих обедах слышались «неблагонамеренные» речи и случались даже политические казусы. Так, в Татьянин день 12 января⁷ 1877 года историк-монархист Д.И. Иловайский призвал русскую интеллигенцию «подать руку помощи правительству». Танеев отрезал: «Никогда этому не бывать!» Присутствовавший на этом обеде К.А. Тимирязев подошел к нему и пожал ему руку. С того дня началась их дружба.

Не зря попечитель московского учебного округа говорил Д.М. Петрушевскому: «Или вы продолжайте преподавать в университете, или обедайте в танеевском кружке, а совместить одно и другое невозможно».

Действительно, Танеев по своим убеждениям был для людей его круга «представителем недостижимой левизны». Он сам называл себя человеком «с

⁷ Дата указана по старому стилю. По новому стилю Татьянин день празднуют 25 января.

Присяжная адвокатура

1866–1917

контрабандой в голове»: восхищался народниками, хранил у себя их портреты, дружил с П.Л. Лавровым, общался с Г.А. Лопатиным.

Танеев был поклонником Французской революции XVIII века и ее вождя М. Робеспьера. Он приветствовал I Интернационал и Парижскую коммуну в специальном очерке 1871 года «Международное общество рабочих», который позволяет считать Танеева «первым русским историком I-го Интернационала».

В 1870 году в Лондоне Владимир Иванович познакомился с Карлом Марксом. Год спустя Маркс прислал ему свою фотокарточку с дружеской надписью, а в 1877 году писал о нем М.М. Ковалевскому: «Танеева я с давних пор уважаю как преданного друга освобождения народа».

Он был рад самому факту Февральской революции 1917 года, но критиковал ее результаты и последствия. Временное правительство было для него «собранием идиотов», а премьер-министр А.Ф. Керенский – «чудовищным тупицей». Вообще, на своих ежемесячных обедах Танеев, по воспоминаниям (несколько шаржированным) А. Белого, «высказывал сногшибательные сентенции о том, что надо не оставить камня на камне от нашего строя». Полиция, однако, к «танеевским потрясениям» относилась спокойно, «зная, что «красные ужасы» котируются даже друзьями Танеева, как барское чудачество. За опасные фразы Танеева могло влететь не ему самому, а, например, любому профессору, с ним тесно общающемуся».

«Танеев был уникум, ни на кого не похожий», - вспоминал о нем его знаменитый коллега В.А. Маклаков.

Избежав политических репрессий в царской России и не удовлетворившись Февральской революцией, он приветствовал Октябрьскую революцию 1917 года с ее правомерной, как ему могло показаться, нацеленностью «не оставить камня на камне» от старого строя.

В октябре 1917 года Танееву шел уже 78-й год. Он был стар и болен.

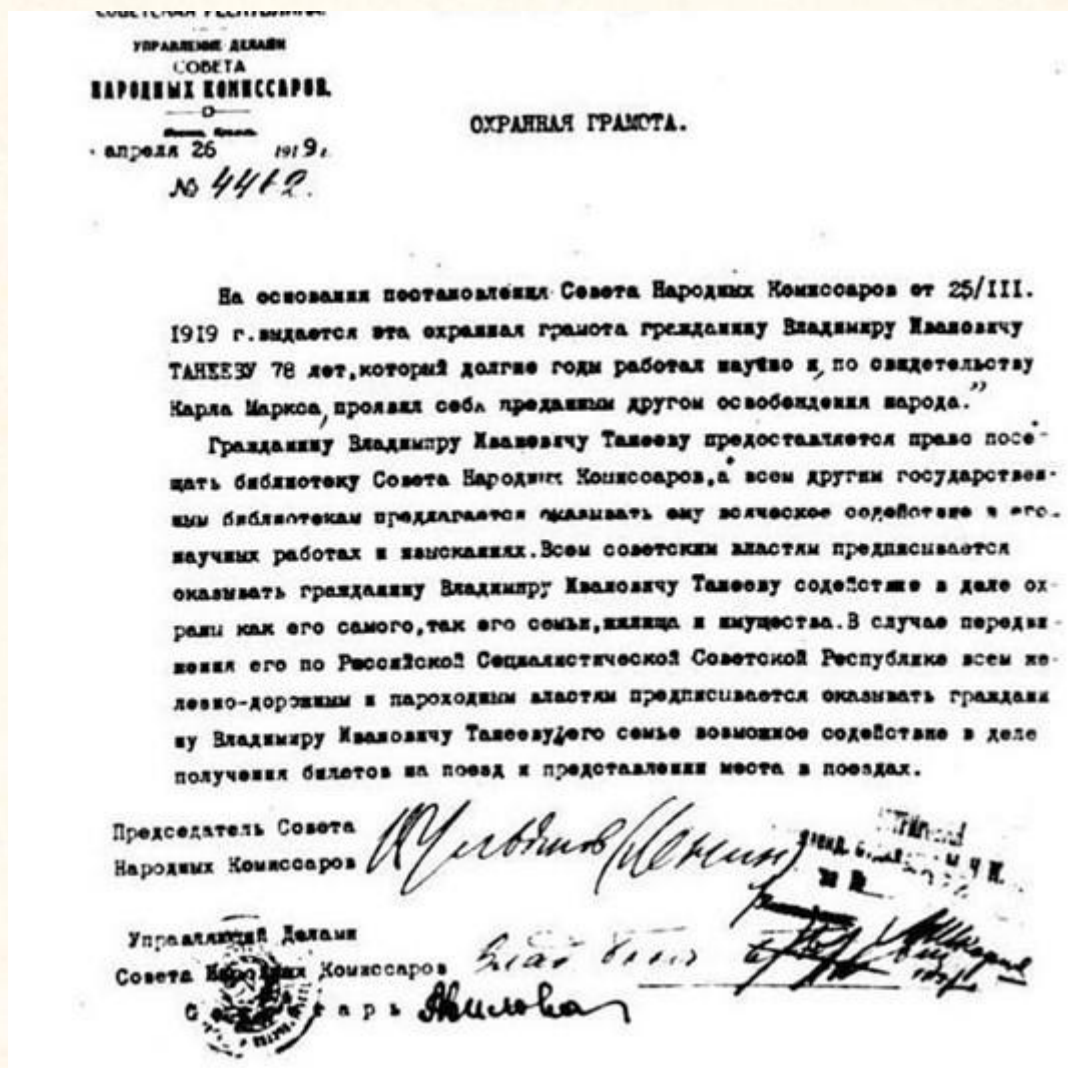
Ещё в 1883 году Владимир Иванович купил имение Демьяново близ города Клина Московской губернии, и с 1890 года жил там почти безвыездно.

Активно сотрудничать с новой властью, если и было желание, не оказалось сил. Но власть, признав в нем свою предтечу и единомышленника, позаботилась о нем. 26 апреля 1919 года глава Советского правительства В.И. Ленин подписал охранную грамоту, которая обязывала все государственные учреждения «оказать

Присяжная адвокатура

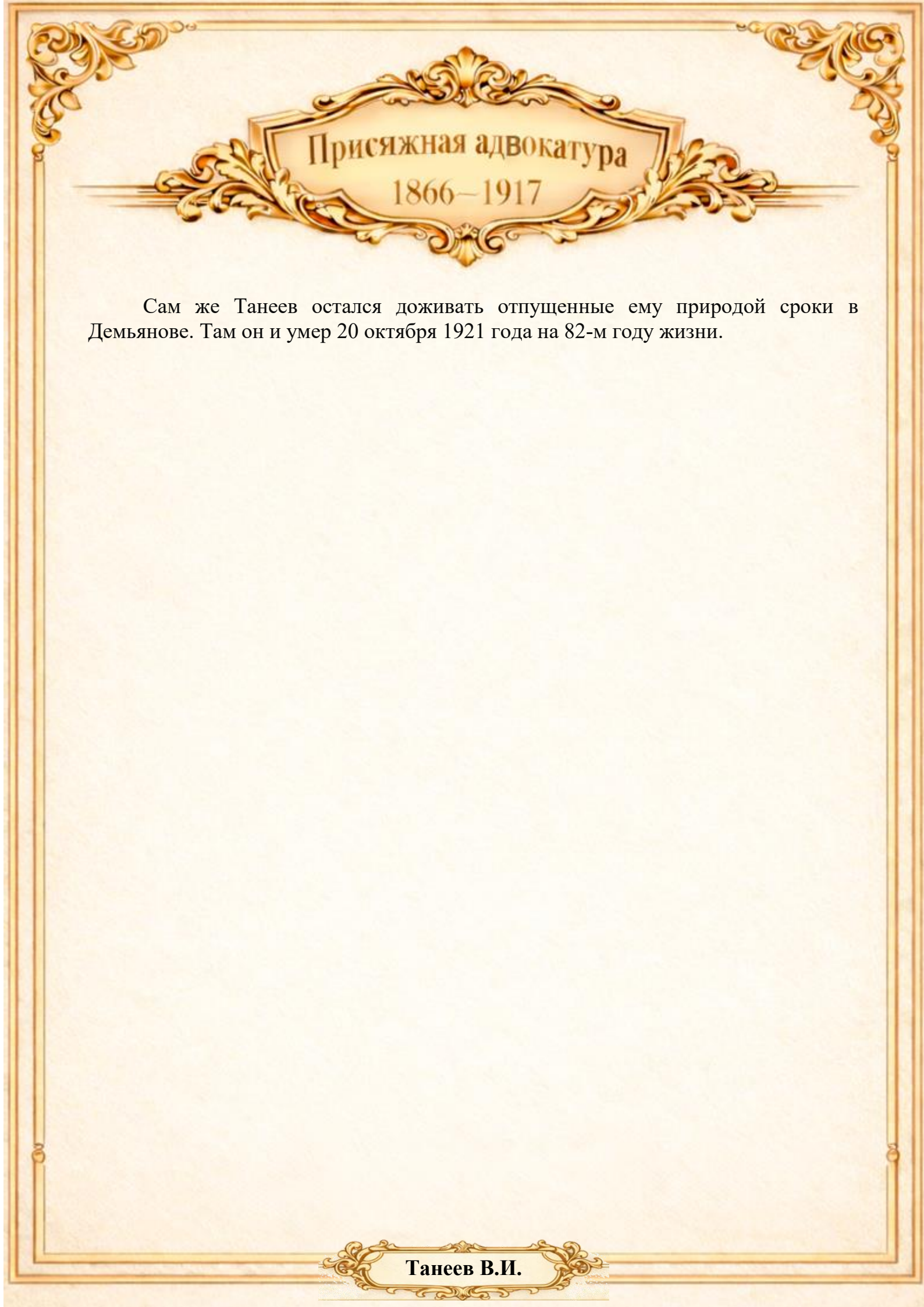
1866–1917

гражданину Владимиру Ивановичу Танееву содействие в деле охраны как его самого, так и его семьи, жилища и имущества» (см. ниже).

Когда нарком просвещения А.В. Луначарский заинтересовался библиотекой Танеева и передал ему через своего заместителя, будущего академика М.Н. Покровского предложение выкупить ее для государства за 100 тыс. рублей, Танеев созвал семейный совет. Библиотека у него была колоссальная (больше 20 тыс. томов), и он в ней души не чаял, говоря: «Книги - лучший комфорт жизни». Но все-таки на семейном совете было решено не продавать библиотеку, а передать ее безвозмездно в собственность государства, и она был перевезена весной 1919 года из Демьянова в Москву.

Танеев В.И.

Присяжная адвокатура

1866–1917

Сам же Танеев остался доживать отпущенные ему природой сроки в Демьянове. Там он и умер 20 октября 1921 года на 82-м году жизни.

Танеев В.И.